

The background of the poster is a dramatic, high-contrast scene. On the left, a tall, cylindrical stone lighthouse with a red light in its lantern room stands on a jagged, rocky island. Waves are crashing against the base of the lighthouse, creating white spray. In the foreground, a person in a dark winter coat stands on a metal walkway or bridge, looking out towards the lighthouse. The sky is dark and stormy, with a strong red light source on the right side of the frame, casting a long, intense glow across the scene. The overall mood is mysterious and suspenseful.

ТОНКИЙ ЛЕД

НА ГЛУБИНЕ

АЛЕКСЕЙ
ГРАДОВ

Алексей Градов

Тонкий лед на глубине

«Автор»

2026

Градов А.

Тонкий лед на глубине / А. Градов — «Автор», 2026

Скалистый остров Сухо на Ладоге отрезан от материка девятибалльным штормом. Ноябрьский ураган ломает мачту радиосвязи, а через сорок минут начальника метеостанции Виктора Гордеева находят мертвым в закрытом кабинете. Дубовая дверь заперта на задвижку изнутри, оконные шпингалеты скованы льдом, но след от инъекции на шее исключает внезапный сердечный приступ. Бывший следователь Марк Шелест, сбежавший на остров от профессионального краха, вынужден снова взяться за протокол. До подхода ледокола остается восемь часов. В форте четверо коллег, и у каждого готов мотив: от застарелой ненависти и шантажа до сотен тысяч меченых рублей, спрятанных перед бурей. Когда дизель захлебывается, а мороз начинает рвать гранит стен, поиск виновного превращается в войну на выживание. Убийца понимает: холод скроет любые следы надежнее огня. Чтобы дожить до рассвета, Шелесту придется опередить человека, готового заморозить станцию живьем ради спасения собственной шкуры.

© Градов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 2. Анатомия замкнутого круга	18
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Алексей Градов

Тонкий лед на глубине

Глава 1. Слепая зона

Жало сорокаваттного паяльника шипело, плавя оловянно-свинцовый пруток ПОС-60. Сизый канифольный дым тонкой струей поднимался к закопченному потолку радиорубки, въедаясь в ноздри гарью, кислым осадком сосновой смолы и горелой оплетки. Марк Шелест придерживал коаксиальный кабель плоскими губками медицинского зажима. Пальцы левой руки задевали оголенный каркас радиостанции «Ангара-РБ» — шершавый серый металл вытягивал тепло мгновенно, до ломоты в суставах.

Термометр на стене показывал плюс девять градусов. В старом форте тепло держалось только у чугунных радиаторов, но сюда, в узкий пенал на первом этаже, трубы вели по внешнему контуру и остывали первыми.

Шелест прижал каплю припоя к центральной жиле штекера. Металл схватился, остывая до матового серебра. Шелест моргнул. Левое веко дернулось мелкой судорогой — три коротких спазма, стянувших кожу под глазницей. Он положил паяльник на изогнутую жестяную подставку, вытер подушечки пальцев о грубое сукно казенного бушлата и посмотрел на экран смартфона, лежавшего поверх журнала вахты. Черное стекло отразило тусклую лампу накаливания под жестяным колпаком. Сорок два процента заряда. Строка сети пуста: перечеркнутый серый кружок.

За двойными рамами, забранными толстыми решетками XIX века, выл девятибалльный шторм. Ладога била в гранитную подошву острова Сухо тяжелыми, короткими ударами, от которых вибрировал монолит стен метровой толщины. Вода у пирса держалась на отметке плюс один. Ветер с северо-запада швырял в стекло крупу мокрого снега вперемишку с озерной взвесью. Капли намерзали на наружных петлях, превращая железо в бугристые белесые наросты.

Шелест вставил перепадный фидер в гнездо высокочастотного тракта, закрутил рифленую гайку до упора и щелкнул тумблером питания. Стрелка вольтметра дрогнула на двадцати четырех вольтах. В динамике зашуршало, затем пробился сухой треск атмосферных разрядов. Шелест надел тяжелые бакелитовые наушники. Амбушюры, жесткие от холода, сдавили виски. Он плавно крутанул верньер настройки основной шкалы, ища контрольный сигнал береговой службы в Новой Ладоге.

На циферблате наручных механических командирских часов секундная стрелка заползла на двенадцать. Ровно 21:40.

Снаружи, сквозь гул наката и завывание тяги в вентиляционных трубах, раздался металлический визг. Звук не был похож на штормовой удар: это был сухой, вибрирующий скрежет рвущихся стальных растяжек. Где-то наверху лопнул трос, хлестнув по обледенелой кирпичной кладке шахты. Секунду спустя железо застонало с натужным хрустом — мачта ретранслятора, обросшая сотней килограммов мокрого льда, согнулась в поясной ферме и рухнула на скалы внешнего мола.

Наушники взорвались оглушительным белым шумом. Несущую частоту сорвало, словно перерезанный провод. Динамик захлебнулся ядовитым шипением пустого эфира. Шелест сорвал оголовье с ушей, бросил наушники на поролоновую подстилку пульта и повернул ручку усиления влево. Шум стих, сменившись утробным воем сквозняка под дверным порогом.

Дверь в коридор распахнулась без стука, ударившись резиновым отбойником о шкаф с радиолампами. В проеме стоял Илья Барышев.

Механик тяжело дышал через открытый рот, втягивая воздух со свистом и клекотом в бронхах. Стеганая телогрейка расстегнута на две пуговицы, открывая застиранный серый свитер грубой вязки. Кисти рук до запястий блестели от свежего черного солидола с вкраплениями

ржавчины; под ногтем указательного пальца запеклась темная кайма старой крови. От Барышева несло ядовитым амбре отработанного дизельного топлива, серным перегаром и сырой овчиной. В правой руке он сжимал тяжелый разводной ключ тридцать шестой номер с намертво закисшей регулировочной червячной передачей.

— Мачту срезало, слышал? — прохрипел Барышев, вытирая лоб предплечьем, оставив на седой коже черную полосу смазки. — Прямо в камни ушла, кочерга плешивая. Грохот стоял, думал, стену высадило.

— Слышал, — Шелест поднялся с табурета. Ноги затекли от неподвижности. — Фидер оборван. Входной контур пуст. Антенны нет.

— Хрен с ней, с антенной! — Барышев шагнул в тесную радиорубку, наполнив ее запахом горячего моторного масла. — У меня второй дизель чихает. Парафин пошел в топливную рейку, мать его растак. Солярка летняя, на морозе густеет, как кисель. Фильтр тонкой очистки забило наглухо, манометр на нуле лежит. Переключил пока на аварийную емкость, но там литров сорок осталось, не больше. Заглохнет генератор — через сорок минут аккумуляторы в подвале сядут. И сдохнем тут, как тараканы под лавкой.

— Резервная группа батарей в каком состоянии? — коротко спросил Шелест, не повышая голоса. В его интонации не было участия — только привычная фиксация вводных данных. Состав проблемы требовал изоляции переменных.

— В каком, в каком... В дерьмовом! — Барышев сплюнул в угол на металлический лист заземления. — Банки сульфатированы наполовину, электролит Гордеев еще в августе списать обещал, да ни хрена не списал. Сказал, до весны дотянем. Делов-то, говорит, подливай дистиллят и не вякай. Вот и дотянули. Если форсунки заклинит, я вручную эту заразу крутить не стану. Руки отвалятся. Где начальник, кстати?

Шелест перевел взгляд на вахтенный журнал, раскрытый на тридцать четвертой странице. Листы из плотной бежевой бумаги были разлинованы синей типографской краской. Последняя запись его собственной рукой фиксировала проверку контрольного передатчика в 18:00.

В графе «21:30. Контрольный обход периметра и замер уровней» стояла пустая строка. Линейка молчала. Подписи Виктора Гордеева не было.

— Гордеев не спускался, — произнес Шелест.

— В смысле не спускался? — механик сжал разводной ключ так, что сухожилия на запястье натянулись серыми канатами. — Он в девять должен был цистерны опечатать после слива остатка. У меня подогрев магистрали горит, реле щелкает, а пломбы нет. Я без его подписи вентиль не открою, потом на меня же недостачу и повесят. Знаем мы эти штуки.

Шелест молча взглянул на потолок. Потолочное перекрытие здесь состояло из клепаных стальных двутавров, заполненных кирпичной кладкой по сводчатой схеме. Шаги на втором этаже всегда отдавались глухой, низкочастотной вибрацией. Гордеев весил за девяносто килограммов, ступал тяжело, с акцентом на правую пятку из-за старой травмы мениска. Его перемещения по кабинету — от массивного письменного стола к сейфу или шкафу с метеорологическими картами — обычно читались снизу без труда.

Сейчас над головой царил мертвая глухота. Ни скрипа половиц, ни стука костяшек пальцев, которыми Гордеев имел привычку отбивать ритм по дубовой столешнице во время разговора. Только свист ветра в наружной вентиляционной трубе, забиваемой крупой.

— Заперся? — спросил Барышев, сузив маленькие слезящиеся глаза.

— Запись отсутствует, — ответил Шелест. — Фактически двадцать минут назад он обязан был сдать отметку в журнал. На внутренний селектор не ответил.

— Опять нажрался, старый боров, — зло буркнул дизелист, и его челюсть дернулась вправо. — Коньяк глушит в одну харю, пока станция ко дну идет. Пошли, вытряхнем его из

койки. Пусть подписывает наряд на пропарку топливопровода, иначе я заглушу дизель к чертям собачьим. Сами будете насос вручную качать.

Барышев развернулся всем корпусом, задев ключом дверной косяк. Металл звякнул о крашенный угол, сбив сухой пласт старой масляной краски. В коридоре потянуло холодом: из щели под входной гермодверью тамбура тянуло морозным воздухом, пахнущим озерной тиной, мокрым камнем и солью.

Шелест взял со стола тяжелый фонарь во взрывозащищенном корпусе из рифленого дюралюминия. Стекло отразило желтый отблеск светодиодной матрицы. Смартфон он сунул во внутренний карман бушлата, застегнув латунную молнию до подбородка. Грубая ткань воротника уперлась в щетину.

Они вышли в центральный коридор первого этажа. Свет здесь давала одна сорокаваттная лампа в проволочной корзине. Стены из дикого гранита сочились сыростью: в стыках между плитами блестели темные дорожки конденсата.

Барышев подошел к основанию винтовой лестницы, задрал голову и с размаху ударил губками разводного ключа по несущей чугунной балке перекрытия.

Звон удара ударил по ушам, разлетевшись по спирали лестничной шахты вверх, к жилым каютам. Звук угас в темноте второго яруса.

Сверху не донеслось ни звука. Ни скрипа открываемой двери, ни шагов, ни отборной ругани начальника. Только холодный сквозняк толкнул в лицо запах горелого парафина и влажной побелки.

— Глухо, — сказал Барышев, опуская руку. На его лице проступили глубокие складки у переносицы.

— Поднимаемся, — Шелест щелкнул кнопкой фонаря.

Плотный белый луч рассек полумрак, выхватив из темноты первые ступени винтовой чугунной лестницы, покрытые мелкой сеткой литейного узора и тонкой пленкой ледяной сырости. Шелест поставил ногу на металл — подошва сапога с сухим хрустом содрала слой нанесенного сквозняком снежного налета.

Чугунные ступени отзывались на шаг сухим, гулким стоном литого железа. Винтовая лестница скручивалась вверх тугой спиралью вокруг массивного центрального столба, стянутого клепаными муфтами. Шелест поднимался первым, держа вахтенный журнал под мышкой левой руки. Пальцы в плотной шерстяной перчатке без пальцев оглаживали холодные перила: металл был покрыт шершавой коррозией, сквозь которую местами проступала окалина позапрошлого века.

Из узких вентиляционных продухов в гранитной кладке тянуло сырым холодом Ладоги. Воздух здесь был на три градуса ниже, чем в радиорубке; дыхание вырывалось из легких короткими белесыми клубами, сразу же оседавшими на грубых каменных плитах. Луч взрывозащищенного фонаря резал висящую в шахте взвесь известковой пыли и ледяных кристаллов.

Сзади шумно сопел Барышев, тяжело переставляя ноги в кирзовых сапогах и ругаясь сквозь зубы на каждом витке: — Понастроили казематов... черти чухонские... коленей не соберешь к полуночи...

Шелест не оборачивался. Наручные часы под манжетом бушлата показывали ровно 22:00. Он машинально нащупал сквозь плотное сукно плоский прямоугольник смартфона во внутреннем кармане. Металлическая грань уперлась в ребра. Индикатор наверняка сполз до сорока одного процента: аккумулятор медленно вымерзал вместе со станцией.

Площадка второго этажа встретила их узким, вытянутым коридором без окон. Слева темнели одинаковые казенные двери четырех спальных кают, справа глухой гранитной стеной уходил периметр внешнего контура. В дальнем торце коридора возвышался дверной проем кабинета начальника станции — массивная конструкция из мореного дуба толщиной в четыре

пальца, обитая по нижнему краю широкой полосой позеленевшей меди для защиты от сквозняков.

Шелест остановился перед полотном. От дерева исходил слабый, застарелый дух льняной олифы, хлорной извести и табака — Гордеев курил дешевые папиросы прямо в кабинете, нарушая все инструкции противопожарной безопасности.

Шелест поднял правую руку и трижды ударил костяшками пальцев по центральной филенке.

Звук вышел плотным, коротким, вязнушим в плотной древесине. Никакого резонанса.

— Виктор Сергеевич, — ровным, сухим голосом произнес Шелест. — Вахта. Отметка журнала за двадцать один тридцать.

Ответа не последовало. В глубине помещения не скрипнули пружины старого кожаного кресла, не зашуршали бумажные рулоны гидрологических карт. Барышев остановился за плечом Шелеста, опершись ладонью в солидоле о стену, оставив на побелке серый сальный отпечаток.

Шелест ударил снова — на этот раз сильнее, ребром кулака прямо над бронзовой замочной накладкой.

Скрипнула петля за спиной. Из каюты номер четыре, расположенной ближе всего к торцу, медленно приоткрылась дверь. На тускло освещенную полосу коридора шагнула Елена Васина. На ней был безразмерный синий форменный свитер с закатанными до локтей рукавами и шерстяные лыжные штаны с вытянутыми коленями. В обеих руках она сжимала белую эмалированную кружку со сколом на ободке. От кружки не поднимался пар — вода внутри была холодной или давно остыла.

Кожа на лице Васиной казалась пергаментной под светом диодного луча, щеки ввалились, а нижняя губа была искутана до сухих сукровичных корок. Ее пальцы — тонкие, с коротко остриженными неровными ногтями — непрерывно, с лихорадочным механическим упорством крутили тонкое серебряное кольцо на безымянном пальце правой руки. Металл тихо поскрипывал о сухую кожу.

— Что... что вы тут стучите? — спросила она, дернув подбородком. Голос сорвался на втором слове, Васина судорожно сглотнула вязкую слюну и прижала кружку к груди, словно щит. — Зачем так громко? Он... он же просил. Сказал, отчеты годовые сводит.

— Время регламента вышло тридцать минут назад, — Шелест не повернул к ней головы, продолжая всматриваться в узкую щель между дубовым полотном и косяком. — На селекторную связь начальник не выходит. Дверь закрыта.

— Да он... он просто устал! — Васина сделала шаг вперед, ее стоптанные войлочные тапочки шуршали по крашеному дощатому настилу. Взгляд девушки метался между Шелестом и разводным ключом в руке Барышева, зрачки были расширены почти во всю радужку. — Он чай пил. Я... я сама ему заваривала, шиповник с сахаром, в девять часов еще. Он кричал, чтобы его никто не смел трогать до полуночи! Сказал... сказал, голова раскалывается от этой бури. Зачем вы ломитесь? Илья Семенович, ну хоть вы скажите!

Барышев сплюнул под ноги, не глядя на метеоролога: — Мне плевать, чем он там давится — шиповником или самогоном. У меня топливная магистраль парафинится. Если я сейчас второй контур не продую с его визой, мы к утру все тут замерзнем к ядерной матери. Делов-то — подписать бумажку и дальше дрыхни.

— Он не спит, — быстро, захлебываясь собственными словами, пробормотала Васина. Ее пальцы скрутили кольцо так сильно, что фаланга побелела. — Он сидел за столом. Свет горел... в щели снизу было видно. А потом... потом он погасил верхний плафон, только настольную лампу оставил. Не надо стучать, он орать будет... вы же знаете, как он орет, когда его дергают по пустякам.

Шелест опустил луч фонаря на нижнюю кромку дубовой двери. Тонкая щель между медной накладкой и порогом была темной. Ни единого фотона света изнутри не пробивалось. На полу у самого косяка лежал плотный валик из слежавшейся серой пыли — его не потревожило сквозняком.

— Свет не горит, — отрезал Шелест. — Фактически на рабочем месте темнота.

Шелест взялся за массивную латунную ручку, выполненную в форме литого львиного когтя. Металл обжег ладонь сквозь шерсть перчатки. Он надавил вниз всем весом корпуса.

Ручка подалась на четверть хода с глухим механическим сопротивлением и уперлась в тупик. Внутренняя защелка стояла мертво. Шелест толкнул дверь плечом — полотно даже не качнулось в пазах, массивный дуб сидел в гранитном дверном проеме с плотностью корабельного люка.

Стрелка командирских часов дернулась, зафиксировав 22:15.

В ту же секунду из-за толстого дубового массива донесся звук. Нечеловеческий, глухой, утробный стук чего-то тяжелого и мягкого, рухнувшего на деревянный пол, застеленный войлоком. Следом за падением послышался короткий, царапающий скрежет — словно чьи-то негнувшиеся ногти или металлическая грань с силой провели по полированной боковине стола, сдирая лак. И затем — звонкий, отчетливый щелчок перевернутого тонкостенного стекла.

Звук захлебнулся.

— Гордеев! — гаркнул Барышев, шагнув вперед и толкнув дверь кулаком с размаху. — Слышь, Михалыч! Хватит дурить!

Васина вскрикнула — коротко, сдавленно, зажав рот ладонью. Белая кружка выскользнула из ее пальцев, ударилась о крашеный пол, раскололась на две неровные половины, разбрызгав по доскам остатки темной, пахнущей сушеными ягодами жижи. Девушка отшатнулась к стене, судорожно втягивая воздух через нос, ее плечи затряслись в мелком, сухом ознобе.

Шелест не тратил дыхание на окрики. Его левое веко снова дернулось, стянув кожу. Он сорвал с головы шерстяную шапку, опустился на правое колено прямо на холодные доски пола и вплотную прижался ухом к замочной скважине старинного замка.

Скважина была холодной, словно сосулька; от замочной щели тянуло резким, щелочным сквозняком с едва различимой примесью сладковатого аптечного спирта и влажной шерсти.

Внутри кабинета было тихо, но эта тишина не была пустой.

Сквозь узкий канал замочного механизма Шелест уловил едва слышное, ритмичное шипение. Жидкость медленно, толчками вытекала из опрокинутого на пол тонкого сосуда, впитываясь в плотный ворс дорожки и стекая в щель между половицами: *кап... кап... ш-ш-ш*. Ни хрипа, ни вдоха, ни движения воздуха от человеческих легких. Только мерное, затухающее растекание влаги по сухому дереву.

Шелест резко поднялся на ноги. Лицо его оставалось неподвижным, челюсти сжались так, что желваки вздулись под щетиной твердыми узлами.

— Защелка опущена изнутри на два оборота, — произнес он быстро, рубя каждое слово, словно в протоколе осмотра места происшествия. — Внутри падение тела. Признаков дыхания нет.

Он повернулся к Васиной. Девушка вжалась лопатками в сырой гранит стены, ее пальцы бессмысленно царапали шов между камнями, взгляд остекленел, уставившись на разбитую кружку у своих ног.

— Васина, — голос Шелеста хлестнул, как мокрый брезент. — Вниз. Бегом в цоколь.

Она дернулась, но осталась на месте, лишь часто закивала, хватая ртом воздух.

— Васина, в цокольный этаж! — повторил Шелест, сделав шаг к ней и жестко зафиксировав ее плечо тяжелой ладонью. — Находишь в мастерской Барышева пожарный лом и тяжелый колун. Тащишь сюда. Бегом, если хочешь, чтобы он был жив.

Девушка всхлипнула, оторвалась от стены и, спотыкаясь о края собственных широких штанин, бросилась по коридору к лестничной шахте. Ее войлочные тапки застучали по чугунным ступеням, удаляясь вниз со звуком сыплющегося щебня.

Шелест повернулся к Барышеву. Механик стоял бледный под слоем копоти, держа разводной ключ наперевес, и тяжело дышал, раздувая широкие ноздри: — Марк... он что там, концы отдал, что ли? Сердце? У него ж давление было под двести...

— Ломать будем коробку, — Шелест посветил лучом на петли. Петли были коваными, утопленными прямо в гранитные гнезда на свинцовой заливке. — С петель не снять. Только рвать замок. Держи ключ в упор к щели, прямо над накладкой. Сейчас пойдет нагрузка.

Наручные часы под манжетой бушлата отсчитали 22:18.

Воздух в коридоре второго этажа становился все более плотным, стылым, напитанным сыростью отсыревшей штукатурки. Шелест опустил луч фонаря к самому плинтусу, сканируя крашенный дощатый настил. На сером известковом налете — продукте вечного выветривания старой фортовой кладки — читалась смазанная цепочка подошв. Тонкие резиновые полосы с мелким ромбовидным рисунком: Васина подходила к двери, топталась на одном месте у порога, смещая носки внутрь, затем резко развернулась. Рядом темнели тяжелые, глубокие отпечатки сапог Барышева с налипшей мазутной гарью. Но у самого наличника, в двух дюймах от косяка, известка была стерта широким полукругом, словно кто-то волоком протаскил плотный брезентовый мешок или подол длинной одежды.

Скрипнула третья ступенька снизу.

По чугунному винту поднимался Артем Седых. На гидрологе был темно-синий лабораторный халат поверх флисовой толстовки, длинные полы расстегнуты и хлопали по бедрам. Руки он держал глубоко в карманах. Седых шагал пружинисто, без одышки, наступая на ступени одними носками кед на толстой полиуретановой подошве. В полумраке блеснули узкие дужки очков — он машинально толкнул подушечкой указательного пальца титановую переносицу, возвращая стекла на место.

— Какая экспрессивная драматургия, Марк Михайлович, — голос Седых прозвучал ровно, с легким металлическим присвистом на свистящих. Он остановился в трех шагах, чуть склонив голову к правому плечу. — Васина летит по трюму в состоянии кататонического транса, сшибает пустые канистры, твердит про труп и катастрофу. Неужели ваш следственный рудимент снова проецирует криминальные паттерны на элементарную соматику? У Гордеева кардиоваскулярная система в состоянии терминального износа. Гипертонический криз третьей степени был вопросом времени при таком атмосферном градиенте. Барометр упал на пятнадцать миллиметров за четыре часа. Это чистая гидродинамика сосудов, никакой метафизики.

Шелест не изменил позы, продолжая держать луч фонаря на уровне замочной скважины. Левое веко коротко дернулось.

— В двадцать два пятнадцать зафиксирован удар тяжелого предмета о настил, — сухо произнес Шелест, не глядя на гидролога. — Следом — повреждение емкости с жидкостью. Задвижка закрыта изнутри на два оборота. На внешние раздражители объект не реагирует.

Седых тонко усмехнулся, обнажив мелкие ровные зубы. Кончик его носа побелел от сквозняка.

— Объект? Прекрасный терминологический рефлекс. Гордеев просто потерял постральный контроль. Острая церебральная ишемия, мышечный коллапс, падение со стула с опрокидыванием чайной посуды. Типичный анамнез для грузного мужчины шестидесяти лет, злоупотребляющего никотином и этиловым спиртом на фоне барической ямы. Зачем корезить антикварный дуб девятнадцатого века? Подождите десять минут, Барышев спустит давление в котле, вызовем береговую охрану по аварийному бую, если радиостанция окончательно капилировала.

— Буй в шторм девять баллов дает дрейф в три мили и ложный пеленг, — отрезал Шелест. — До прихода ледокола станция изолирована. Если субъект в состоянии комы, асфиксия наступает за шесть минут. Ломаем сейчас.

С лестницы донесся тяжелый дробный грохот, перемежаемый хриплым матом. На площадку вывалился Барышев. В левой руке он тащил тяжелую пожарную фомку с красной облупившейся краской на кованом пере, в правой волочил колун на длинном ясеневом топорщице. За ним, держась за перила побелевшими пальцами, едва поспевала Васина. Ее зрачки метались от спины механика к неподвижной фигуре Седых; заметив гидролога, она дернула подбородком и судорожно втянула голову в плечи, зажимая рот краем рукава.

— Припер... — выдохнул Барышев.

Его лицо налилось темной венозной кровью, под глазами залегли сизые мешки. Механик бросил колун на доски — железо гулко ударило по перекрытию. Вены на его жилистой шее вздулись толстыми узловатыми жгутами, из раскрытого рта вырывался свистящий, натужный хрип легких, в которых клокотала мокрота. От Барышева разило сырым мазутом, металлическим осадком ржавчины и застарелым потом загнанного зверя.

— Заводи перо под накладку, — Шелест перехватил фомку за холодную стальную шейку, направляя жало в миллиметровый зазор между дубовым косяком и гранитной четвертью проема. — Илья, бей обухом по запястнику. Коротко, в основание клина.

— Отойди... Марк, отойди на хрен, — прохрипел Барышев, перехватывая топор двумя руками. Костяшки его пальцев в масляных трещинах побелели до желтизны. — Шарахну ненароком... Делов-то, блин, щепку расколоть...

Седых брезгливо отступил на полшага к стене, спрятав подбородок в высокий ворот флиски: — Варварство. Механическая деструкция при полном отсутствии клинического обоснования.

— Заткнись, Артем, — не оборачиваясь, бросил Шелест. — Илья, пошел.

Первый удар обуха сотряс коридор. Звук удара металла о сталь фомки был оглушительным, породившим звон в ушах. Острие лома с визгом вгрызлось в стык, кроша вековую известку. Из щели брызнула мелкая серая пыль, ударив Шелесту в лицо. Он не зажмурился, удерживая рычаг коленом и правой рукой. Металл обжигал ладонь сквозь шерсть перчатки.

Барышев замахнулся снова. Мышцы под его телогрейкой натянулись с сухим треском рвущихся ниток. Второй удар. Стальное перо продвинулось на три дюйма вглубь, оперевшись в чугунную ответную планку старинного ригеля.

— Нажимай! — взревел механик, бросая топор и наваливаясь широкой грудью на свободный конец фомки.

Шелест добавил вес своего тела, упершись носком кованого сапога в гранитный выступ стены.

Дуб застонал. Это не был глухой треск современной фанеры — столетняя мореная древесина сопротивлялась с протяжным, басовитым скрежетом. Волокна рвались медленно, выпуская наружу кислый дух дубильных веществ и сухого грибка. Чугунная запорная планка внутри косяка деформировалась: металл визжал, срезая удерживающие его кованые гвозди.

Барышев хрипел, его мокрый лоб уперся в плечо Шелеста; от механика шел жар, словно от раскаленной топки.

— Еще... раз! — выдавил дизелист сквозь стиснутые зубы. Желтая слюна брызнула из угла его рта. — Пошла... родимая...

С оглушительным звуком, похожим на пистолетный выстрел, верхняя петля лопнула. Гранитная четверть выкрошилась куском размером с кулак, ударившись о доски пола. Замок вывернуло с мясом: чугунный ригель срезал крепежные винты и вывалился внутрь, звякнув о каменный порог.

Дверное полотно резко, без сопротивления, распахнулось внутрь темного помещения.

Тяжелая волна спертого, перегретого воздуха вырвалась из кабинета наружу, смешавшись с коридорным сквозняком. В нос ударила смесь запахов: сладковатый дух крепкого остывшего шиповника, едкий нагар дешевого табака «Беломорканал», тонкая, почти неуловимая нота медицинского спирта и отчетливый, металлический запах свежей венозной крови.

Сквозняк, ворвавшийся вслед за сорванной дверью, немедленно вздул тяжелые суконные шторы на наглухо задраенном окне в глубине комнаты. Ткань взметнулась черными крыльями, хлопнув по стеклу, за которым в абсолютной темноте бушевала Ладога.

Шелест первым перешагнул через порог, выставив вперед фонарь.

Белый диодный конус разрезал полумрак, выхватив массивный дубовый стол, заваленный синьками гидрологических промеров, опрокинутую фарфоровую кружку, из которой темная лужа стекала на край зеленого сукна, и высокое кожаное кресло с каретной стяжкой.

В кресле сидел Гордеев.

Его массивное тело неестественно завалилось на левый бок, вжимаясь в подлокотник. Голова начальника станции была запрокинута назад под изломанным, неестественным углом, обнажая багровую, вздутую шею с расстегнутым воротом фланелевой рубахи. Глаза — мутные, подернутые сероватой пленкой начинающегося высыхания роговицы — неподвижно смотрели в темный сводчатый потолок. Нижняя челюсть отвисла, застыв в беззвучном, искаженном спазме, обнажая желтые прокуренные зубы.

На полированной поверхности стола, прямо перед его скрюченными пальцами, застыла вязкая капля темной сукровицы.

Шелест сделал шаг через щепу расколотого косяка, подошвой вдавив в доски обломок чугунной планки. Металл хрустнул под тяжестью тела. В воздухе кабинета, стиснутом метровыми гранитными стенами, висел плотный, почти осязаемый настой: терпкая сладость остывающего отвара шиповника, кислый срез засохшего лимона на блюде и въевшийся в обивку мебели, в корешки книг и в штукатурку едкий, махорочный дух «Беломора». Поверх этих привычных запахов тянуло едва различимым щелочным холодком — так пахнет свежая, еще теплая венозная кровь, начавшая сворачиваться на воздухе.

Луч фонаря в руке Шелеста зафиксировал детали рабочего стола. Дубовая столешница, крытая потертым зеленым сукном, была завалена кальками глубинного батиметрического профиля. Фаянсовая кружка лежала на боку; темная жидкость пропитала угол ватмана и мерно, через секундные паузы, капала в щель между половицами под креслом: *кап... кап... кап*.

Виктор Гордеев не просто сидел в кресле. Его тяжелый, грузный корпус оплыл влево, втиснувшись между кожаным подлокотником и массивной тумбой. Подбородок задрался к сводчатому потолку, складки багровой кожи на шее натянулись, словно сыромятные ремни. Глазные яблоки застыли под полуприкрытыми веками, белки потеряли влажный блеск, подернувшись тусклой белесой пленкой высыхания — феномен пятен Лярише, признак, который Шелест фиксировал в протоколах десятки раз. Пальцы правой руки начальника метеостанции скрючились в судорожном спазме, ногти глубоко вдавились в ладонь, оставив на коже белые лунки без кровотока.

— Михалыч... — Барышев остановился в полуметре за спиной Шелеста. Механик вырвал фомку; инструмент с тупым гулом ударился о край суконной дорожки. Барышев провел замасленной ладонью по лицу, размазывая черную копоть по щекам. Дыхание его стало прерывистым, сиплым. — Марк... он же все. Отмаялся старик.

Седых протиснулся мимо механика, почти коснувшись плечом Шелеста. Полы его синего лабораторного халата колыхнулись от сквозняка. Гидролог двигался стремительно, но расчетливо: сделал три быстрых шага прямо к телу, не глядя под ноги, и протянул правую руку в тонкой нитриловой перчатке к сонной артерии Гордеева. Его пальцы легли на багровую кожу под челюстью начальника, сильно вдавливая подушечки в ткани.

— Терминальное состояние, — голос Седых звучал сухо, менторски ровно, словно он зачитывал сводку придонных температур на планерке. Он отдернул руку и поправил титановую оправу очков тыльной стороной запястья. — Асистолия. Зрачковый рефлекс отсутствует, корональный тоже. По температурному градиенту периферии — смерть наступила буквально пятнадцать минут назад. Острый коронарный синдром, перешедший в трансмуральный инфаркт миокарда с фибрилляцией желудочков. Классическая картина при гипертоническом кризе. Нужно немедленно транспортировать тело вниз, в неотапливаемый продуктовый склад цоколя. При этой температуре начнется аутолиз, а нам еще трое суток ждать ледокол в условиях штормовой изоляции. Помогите переложить его на брезент.

— Стоять, — Шелест не повысил голоса, но звук его связок резанул по нервам, как скрежет ножа по стеклу.

Он шагнул вперед, перехватив предплечье Седых. Хватка Шелеста была короткой, жесткой — пальцы сдавили кость сквозь ткань халата. Гидролог дернулся, поморщился от боли и замер, уставившись на Шелеста через стекла очков. Зрачки Седых за линзами сузились в две неподвижные черные точки.

— Ни шагу от порога. Ничего не трогать, — Шелест разжал пальцы. — К телу не прикасаться. К столу не приближаться. Никому.

— Вы в своем уме, Марк Михайлович? — Седых потер ушибленное предплечье, его губы растянулись в саркастической, нервной усмешке. — Здесь нет криминалистической лаборатории следственного комитета, а вы больше не советник юстиции. Здесь арктическая станция в девятибалльный шторм. Перед нами биологический объект, подлежащий санитарной консервации по инструкции Росгидромета. Какая цель в этой следственной паранойе?

Шелест проигнорировал реплику. Его левое веко дернулось дважды. Он перевел луч взрывозащищенного фонаря в глубину комнаты, начав методичный, пошаговый визуальный обход периметра помещения.

Первый сектор: окно. Высокий сводчатый проем в толще метровой стены. Двойные дубовые рамы викторианского образца. Шелест подошел вплотную, не наступая на суконную дорожку, скользя взглядом по подоконнику. Чугунные литые шпингалеты — верхний и нижний — были задвинуты до отказа в гнезда. На массивных железных защелках лежал нетронутый слой сухого серого известняка. Снаружи стеклопакет покрывал толстый слой намерзшего ладожского льда, сквозь который пробивалась лишь непроглядная чернота ночи. Открыть раму снаружи или изнутри без скола ледяной корки и деформации шпингалетов было физически невозможно. Периметр окна цел.

Второй сектор: дверной проем. Шелест вернулся к входу, посветил вниз, на обломки косяка.

Старинный взрезной замок был раскурочен ударами лома, но ригель оставался в выдвинутом положении — на два полных оборота. Внутренняя поворотная задвижка из полированной латуни стояла вертикально, блокируя язычок. А в ключевине с внутренней стороны торчал массивный стальной ключ с фигурной бородкой. Он сидел в пазах мертво. Ни дубликата снаружи, ни возможности повернуть механизм через замочную скважину ниткой или щипцами: бородка перекрывала створ полностью.

Дверь была заперта изнутри человеком, находившимся в этой комнате. Либо тем, кто покинул ее способом, исключающим использование дверного проема.

— Васина, — не оборачиваясь, бросил Шелест.

Девушка стояла у самого косяка, вжавшись в гранитную четверть стены. Ее пальцы продолжали судорожно, безостановочно вращать серебряное кольцо на безымянном пальце; металл тихо скрипел по воспаленной коже. Она дышала через нос, часто и шумно, словно после долгого подъема по крутому склону.

— Ч-что?.. — выдохнула она, не отводя взгляда от запрокинутого подбородка покойного.

— Свет настольной лампы. Ты сказала, он горел, когда ты спускалась.

— Г-горел... зеленая лампа, с абажуром... она всегда у него включена была... — Васина судорожно сглотнула вязкую слюну, кадык на ее худой шее дернулся. — Потом... потом погасла. Я подумала, он лег. Он иногда ложился прямо на диван, в углу...

Шелест перевел фонарь на угол стола. Тяжелая лампа с зеленым стеклянным плафоном стояла на месте. Тумблер на карболитовом основании был повернут в положение «выкл». Никаких повреждений шнура. Лампу выключили механически.

Шелест опустился на правое колено возле кресла. Его дыхание выравнивалось, пульс замедлялся до рабочего метронома — включался автоматизм, выработанный за двенадцать лет выездов на трупы в следственном отделе. Из нагрудного кармана бушлата он достал плоский медицинский пинцет из нержавеющей стали с тонкими закругленными браншами — инструмент из радиоремонтного набора.

— Отойдите, Илья, — бросил он Барышеву, застывшему в дверях со сведенными к переносице бровями.

Шелест не касался открытых участков кожи трупа пальцами. Кончиками пинцета он подцепил жесткий, колючий край воротника шерстяного свитера Гордеева, чуть сдвигая грубую вязку вниз и вправо. Оголилась боковая поверхность шеи под углом нижней челюсти — зона проекции сонного синуса.

Кожа здесь сохраняла багрово-синюшный оттенок застойного венозного полнокровия. Но чуть ниже сосцевидного отростка, в складке между мышцами, луч фонаря выхватил инородный элемент.

Круглое пятно подкожного кровоизлияния диаметром не более трех миллиметров. Свежая гематома с багровым центром и бледным ободком реактивного отека. А точно в центре этого крошечного кровоподтека темнела точечная деструкция эпидермиса — микроскопический прокол с запекшейся каплей сукровицы размером с маковое зерно.

Кожа вокруг прокола была чистой, без признаков воспаления или расчеса. Укол был сделан тонкой полый иглой калибра не менее 0,8 миллиметра. И сделан не более тридцати минут назад, пока кровь сохраняла способность к выпотеванию в окружающую клетчатку.

Шелест задержал кончик пинцета у шеи покойного на четыре секунды. В комнате стоял лишь прерывистый вой ладожского ветра в вытяжной трубе и тяжелый, свистящий выдох Барышева за спиной.

Шелест убрал пинцет в карман бушлата, плавно поднялся с колена и распрямил спину. Суставы отозвались сухим щелчком. Он выключил рассеянный свет фонаря, оставив узкий направленный луч, и медленно обвел им бледные лица троих людей, замерших у разбитого дверного проема.

Взгляд Шелеста остановился на Седых. Пальцы гидролога в карманах халата едва заметно сжались, ткань натянулась. Васина мелко дрожала, закусив губу до крови. Барышев стоял неподвижно, опустив чугунные руки вдоль тела.

Шелест заговорил — тихо, сухо, выговаривая каждую согласную с протокольной четкостью, исключаящей двойное толкование:

— Входные ворота для инфаркта миокарда отсутствуют. На боковой поверхности шеи трупа зафиксирован точечный след парентерального введения неустановленного вещества с признаками прижизненного кровоизлияния. Смерть Виктора Гордеева носит насильственный характер. Квалификация события — статья сто пятая Уголовного кодекса. Убийство. На станции находится посторонний либо один из нас. Начиная с этой секунды, все присутствующие изолированы в пределах жилого блока.

Воздух в кабинете словно сгустился, оседая на языке горьким привкусом пережатой махорки и хлорной извести.

Седых дернул плечом, сбрасывая оцепенение. Его пальцы, спрятанные в карманах синего халата, резко сжались, натянув тонкую хлопковую ткань до предела. Гидролог шагнул вперед, сокращая дистанцию до полуметра; его титановая оправа блеснула под прямым лучом фонаря, отразив два слепящих белых круга.

— Вы бредите, Марк Михайлович, — голос Седых сорвался на верхний регистр, приобретая визгливые, стеклянные ноты. Желваки под его гладкой кожей заходили ходуном, а тонкие губы перекосило. — Вы находитесь в тисках классической профессиональной деформации, переходящей в индуцированный параноидный психоз! Какой состав? Какая сто пятая статья? У вас нет здесь процессуального статуса! Вы отставной клерк, списанный за профнепригодность и протирающий штаны за радиостанцией по временному трудовому договору! Микрогематома — это банальный подкожный кровоподтек от жесткого воротника при судорожном запрокидывании головы, либо след от застарелого фурункула! В условиях девятибалльного шторма, при отказе дизель-генератора и потере связи устраивать здесь полицейский застенок — это прямая диверсия! Вы ставите под угрозу функциональный баланс всей базы!

Шелест не шелохнулся. Мышцы его лица оставались неподвижными, лишь левое веко коротко дернулось два раза, стянув кожу к виску.

— Фактически налицо локализованный след механического прокола дермы, — произнес Шелест. Тон был ровным, глухим, лишенным интонационных колебаний, какими зачитывают результативную часть постановления. — Направление раневого канала — сверху вниз, под углом сорок пять градусов к сонной артерии. Прижизненная реакция тканей подтверждена выпотом сукровицы. Вопросы юрисдикции и процессуальной правоспособности регулируются статьей сто сорок четвертой УПК до прибытия оперативно-следственной группы. Оспаривание факта не отменяет тяжести обнаруженных следов. Руки из карманов, Седых. На виду держи.

Гидролог замер. Его кадык дернулся вверх и вниз, сглатывая вязкую слюну. Мышцы шеи напряглись, но руки из карманов он вынул медленно, демонстративно растопырив длинные пальцы в тонких нитриловых перчатках.

Справа раздался сухой, царапающий звук.

Елена Васина, до этого стоявшая в оцепенении у разбитого косяка, медленно осела по гранитной четверти стены. Ее колени подогнулись, ноги в широких лыжных штанах разъехались по доскам пола. Спина в синем форменном свитере соскребла слой старой известки, подняв едва заметное пыльное облако. Девушка уткнулась подбородком в сжатые кулаки. Зубы впились в нижнюю губу с такой силой, что по белесой коже поползла темная капля крови, сорвалась и упала на шерстяное полотно колена. Ее пальцы продолжали судорожно, безостановочно тереть серебряное кольцо, сдирая кожу на суставе до красного мяса. Она не издала ни звука, лишь дышала сквозь стиснутые челюсти со свистом, напоминающим звук спускающей шины.

Барышев стоял позади них, широко расставив ноги в тяжелых сапогах. Его широкие ладони, покрытые въевшейся мазутной пленкой, мелко подрагивали у бедер. Механик переводил мутный, налитый кровью взгляд с мертвого тела начальника на Шелеста.

— Марк... — выдохнул Барышев. Запах солянки и несвежего табака от его телогрейки стал резче от выступившего пота. — Михалыча... ширнули? Это как это? Да кто из нас... За что его? Он же старик...

— Шаг назад за линию порога, — Шелест поднял левую руку в шерстяной перчатке, отсекая коридор от кабинета. — Всем. Илья, помощи Васиной подняться. Внутрь не заходить. К обстановке не прикасаться.

Барышев шагнул к девушке, схватил ее под мышки тяжелыми клешнями и рывком поставил на ноги. Васина качнулась, уперлась ладонями в его грудь, судорожно втягивая носом воздух, пахнувший машинной смазкой. Седых, скрипнув зубами, медленно отступил спиной вперед в полумрак коридора, не сводя с Шелеста прищуренных глаз.

Шелест развернулся к дальнему углу кабинета.

Там, за тяжелым двухтумбовым столом Гордеева, в гранитной нише стоял несгораемый канцелярский сейф довоенного образца — массивный железный ящик высотой по пояс, окрашенный темно-зеленой молотковой эмалью. Дверца сейфа была приоткрыта на два сантиметра: Гордеев никогда не запирает ее на день, запихивая туда текущие акты и талоны на дизель.

Шелест подошел к сейфу, ступая исключительно по голому полу вдоль плинтуса и минуя зеленый суконовый ковер. Носком ботинка он толкнул тяжелую дверцу. Металл заскрежегал на несмазанных петлях. Внутри пахло старой типографской краской, оружейным маслом «Глухарь» и залежалой пылью. На верхней металлической полке лежали папки-скоросшиватели метеорологических станционных журналов, деревянная коробка с канцелярскими принадлежностями, моток грубого пенькового шпагата и темно-бордовый брусок почтового сургуча со сколотым углом. Рядом темнела жестяная коробочка спичек с притертым фосфорным боком. Глубже, в темном проеме нижнего отделения, виднелась пустота брезентовой кобуры, но Шелест не стал задерживать на ней внимание.

Он достал шпагат, сургуч и спички, зажав их в левой руке.

Отступая спиной к выходу, Шелест окинул комнату контрольным взглядом. На столе продолжала блестеть лужа остывшего шиповника. Тело Гордеева в кресле застыло неподвижным монолитом, голова оставалась запрокинутой, челюсть темнела черным провалом.

Шелест перешагнул через расщепленный порог и потянул тяжелое дубовое полотно на себя. Створка со скрипом встала в поврежденный косяк. Замок был выломан, ригели срезаны, но на внешней стороне дубового полотна и на гранитном откосе сохранились массивные кованые проушины — элемент консервации станции на зимний период.

Шелест сложил суровую пеньковую бечевку вчетверо, пропустил ее через железные кольца проушин и намертво стянул створку с косяком тремя встречными узлами. Концы нити он натянул накрест, прижав их прямо к шершавому граниту стены.

Чиркнула спичка.

Вспышка серного пламени осветила сутулую фигуру Шелеста, на секунду выхватив глубокие морщины у его переносицы и неподвижный холодный взгляд. Едкий дым ударил в ноздри, перебив запах сырости. Шелест поднес огонь к бруску сургуча. Темно-красная смола зашипела, поплыла, чернея по краям, и тяжелыми, тягучими каплями стала падать на перекрестье пеньковой нити и камень. Запах горящего сургуча — кислый, смолистый, удушливый — заполнил коридор.

Когда на граните образовалась плотная липкая лепешка, Шелест задул спичку, бросил огарок в карман и прижал сургуч плоским стальным основанием своего карманного фонаря. Смола схватилась мгновенно, остывая на ледяном камне до твердой ломкой корки.

Из кармана бушлата Шелест извлек тяжелый оцинкованный навесной замок «ЧАЗ», который снял со щита аварийного инструмента на лестничной площадке. Дужка из закаленной стали с сухим щелчком вошла в гнездо, заперев сведенные проушины поверх опечатанной нити.

Ключ — плоский латунный лепесток — повернулся в личинке один раз. Шелест вынул его, зажал в кулаке и опустил во внутренний нагрудный карман бушлата, застегнув молнию до упора. Металл ключа лег рядом с охлаждающим корпусом смартфона.

— Периметр зафиксирован, — Шелест развернулся к остальным. — Попытка вскрытия без моего присутствия — умышленное уничтожение доказательств.

Седых стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на сургучную печать с кривой ухмылкой, однако его плечи оставались одеревеневшими. Васина, поддерживаемая Барышевым, мелко вздрагивала всем телом, глядя в пол; капли пота блестели у нее на висках, несмотря на холод.

— Спускаемся, — приказал Шелест. — Кают-компания. Вниз идет Барышев с Васиной, следом Седых, я замыкаю. Дистанция — два шага. Без резких движений.

Барышев молча подтолкнул девушку к винтовой лестнице. Васина двинулась вперед механической, деревянной походкой, волоча войлочные тапки по половицам. Седых шагнул следом, высоко задирая подбородок, но Шелест видел, как напряглась его спина под халатом.

Они начали спуск.

Колодец чугунной лестницы встретил их гулким, металлическим резонансом. Каждый шаг тяжелых сапог Барышева отдавался в вертикальной шахте низким колокольным гулом, вибрация передавалась по перилам прямо в ладонь Шелеста. Снизу, из цокольных помещений, тянуло нарастающим холодом озерной воды, тяжелым маслянистым чадом работающего на пределе дизеля и вибрацией фундаментной плиты. Где-то в глубине каменного форта мерно и глухо бил насос, перекачивая техническую воду: *ух... ух... ух*. Сквозняк из узких амбразур первого яруса свистел на одной высокой ноте, сдувая известковую крошку со сводов.

С каждым витком спирали воздух становился все более сырым и холодным. Температура здесь уже не превышала четырех градусов тепла.

Барышев вывел Васину на нижнюю площадку первого этажа, ведущую в коридор между кают-компанией и радиорубкой. Седых спрыгнул с последней ступени, кеды глухо шлепнули по настилу, и замер в ожидании.

Шелест спускался последним, удерживая фонарь опущенным вниз, чтобы контролировать траекторию движения группы.

Луч скользил по ребристым чугунным ступеням, потекам конденсата на стыках гранитных блоков и наконец лег на широкие, выскобленные сосновые плахи пола первого яруса.

В полутора метрах от основания лестницы, точно на стыке двух массивных досок пола, луч выхватил узкий, резкий блик полированного металла.

Предмет лежал не на поверхности. Он был наполовину вогнан в широкую деформационную щель между половицами, словно его уронили с высоты или второпях пытались втоптать ногой под настил.

Шелест замер на предпоследней ступени.

Луч фонаря зафиксировал узкое стальное лезвие длиной около девяти сантиметров и ребристую рукоять из черного матового карболита с характерной заклепкой из латуни на шарнире. Это был стандартный складной монтерский нож с изогнутым клинком для зачистки кабелей.

На сверкающей фаске лезвия у самого острия темнел засохший, буро-коричневый мазок, похожий на каплю свернувшейся биологической жидкости.

Глава 2. Анатомия замкнутого круга

Наручные часы под манжетой бушлата шелкнули, зафиксировав 23:00.

Шелест замер на нижней ступени винтовой лестницы. Холодный воздух, тянувший снизу из цокольных помещений, нес в себе запах сырой известки, отработанного дизельного масла и озерной тины. В полутора метрах от основания чугунного столба, точно на продольном стыке двух широких сосновых плах пола, узкая полоса стали ловила косой луч фонаря.

Шелест опустился на правое колено. Ткань брюк натянулась, влажное дерево пола отозвалось жестким упором в коленную чашечку. Из бокового кармана бушлата он извлек чистый хлопчатобумажный носовой платок, сложенный вчетверо. Развернув материю, Шелест накрыл ею выступающую часть предмета, исключая прямой контакт пальцев с поверхностями рукояти.

Инструмент ушел в деформационную щель под углом около тридцати градусов. Лезвие заклинило между разошедшимися сосновыми волокнами; плотный слой спрессованной пыли и металлической стружки удерживал его, словно в тисках. Шелест обхватил платок вокруг карболитовой накладки. Пальцы ощутили мелкую насечку пластика — ромбовидный рельеф, забитый застарелой сухой грязью, и ледяной, тянущий холод тонкой инструментальной стали. Он плавно, без рывка, потянул нож вверх по вектору наклона.

Дерево неохотно расступилось с сухим щелчком.

Клинок вышел наружу. Это был тяжелый монтерский нож советского производства: серповидное лезвие из углеродистой стали У8, предназначенное для снятия кабельной изоляции, массивная латунная ось шарнира и черные накладки из термореактивного карболита.

— Твою ж... — за спиной Шелеста раздался глухой хрип.

Барышев отступил назад. Каблук его тяжелого кирзового сапога с визгом прочертил по крашеным доскам глубокую борозду, сдирая слой охры. Механик прижался лопатками к чугунной стойке лестничных перил; его огромные кулаки, покрытые вьевшейся в поры черной смазкой, сжались до белизны сухожилий на запястьях. Мышцы его челюсти свело судорогой, седая щетина на щеках встала дыбом, а дыхание вырывалось из раскрытого рта с влажным хрипом, словно в трахею попала вода.

— Мой это... секач, — выдавил Барышев, и его голос сорвался на низкий, вибрирующий бас. — Монтерский. Я им кабели в дизельной разделявал. Но я его... я его потерял, Марк! Два дня назад потерял, клянусь памятью сына! В трюме возился, помпу осушения перебирал в третьем отсеке, полез за ключом на двенадцать в инструментальный ящик — а ножа в кармане нет. Думал, в трюмную воду уронил, под настил...

Седых медленно шагнул вперед, остановившись у косяка двери в радиорубку. Полы его темно-синего халата висели неподвижно. Гидролог демонстративно заложил большие пальцы за ремень брюк, обнажив тонкие запястья в резиновых манжетах перчаток. Его титановая оправа блеснула под косым светом, на губах зазмеилась тонкая, презрительная усмешка, обнажившая десну.

— Какая хрестоматийная амнезия, Илья Семенович, — Седых растягивал гласные с отчетливым менторским нажимом, наклонив голову к плечу. — Теряете инструмент на глубине полутора метров под пайолами трюма, а всплывает этот инструмент прямо у подошвы лестницы, ведущей к кабинету убитого начальника. Причем аккуратно после того, как вы сорок минут назад колотили в потолочные балки разводным ключом и требовали подписать ведомость расхода топлива. Чистая физика: предмет с плотностью семь целых восемь десятых грамма на кубический сантиметр самостоятельно преодолел силу земного тяготения и поднялся на первый ярус форта. Поразительная гидродинамическая аномалия, не находите?

— Ты... гнида очкастая... — Барышев качнулся вперед всем корпусом.

Вены на висках механика вздулись багровыми жгутами, шея налилась кровью, окрасив застиранный ворот свитера в темно-красный оттенок. Он опустил голову, как бык перед ударом, и шагнул к гидрологу, занеся пудовый кулак для замаха: — Ты кого убийцей выставить вздумал, щенок? Я Гордеева с восемьдесят девятого года знаю, мы с ним на Диксоне зимовали, когда ты еще под стол пешком ходил! Да я тебе сейчас эту оправу в глотку утрамбую!..

Седых не отступил, но его зрачки за стеклами очков расширились до предела, а пальцы, цеплявшиеся за ремень, мелко задрожали. Васина, забившаяся в угол лестничного пролета, тонко вскрикнула и обеими руками закрыла лицо, сжавшись в комок.

Шелест поднялся с колена одним слитным движением.

Он встал точно на линии движения механика, вклинив свое плечо в свободное пространство между Барышевым и Седых. Правая ладонь Шелеста — жесткая, сухая, пахнущая канифолью и оружейным сургучом — уперлась механику в грудину, прямо в стык ребер под расстегнутой телогрейкой.

— Назад. Оба, — Шелест не кричал, но его голос прозвучал с плотностью захлопнувшегося стального замка. В нем не было раздражения — только холодная диспозиция протокола. — Попытка физической агрессии фиксируется как прямое противодействие расследованию. Барышев — шаг к лестнице, руки на перила. Седых — закрыть рот и отойти к стене кают-компаний.

Барышев замер, тяжело дыша Шелесту в лицо горячим перегаром солярки и крепкого табака. Его кулак задрожал в воздухе, затем медленно опустился вдоль бедра.

— Марк... это подстава, — глухо, сквозь стиснутые зубы проговорил дизелист. Желваки на его щеках перекачивались под кожей. — Подбросили. Гадом буду, подбросили.

— Факты устанавливаются экспертным путем, а не дракой, — сухо отрезал Шелест.

Он развернулся боком к свету, удерживая нож через ткань платка за карболитовую рукоять. Подняв тяжелый взрывозащищенный фонарь, Шелест поднес клинок к самому стеклу рефлектора, пуская узкий белый луч вдоль фаски лезвия.

Темно-коричневый мазок у острия, который с лестницы казался засохшей кровью, под увеличением десятикратной плотности светового потока потерял органический вид. Поверхность пятна была гладкой, без чешуйчатых трещин, характерных для свернувшейся плазмы. Шелест поднес кончик клинка к носу, сделав короткий вдох.

Запах был резким, минеральным: технический вазелин, смешанный с медным купоросом и пылью окислившейся латунной оплетки. Никакого железистого духа гемоглобина. Это была старая кабельная смазка, запекшаяся на металле от контакта с горячими жилами проводов.

Шелест сместил фокус луча на основание лезвия — туда, где стальная полоса входила в прорезь между карболитовыми щечками и фиксировалась латунным шарниром.

В углублении паза, вокруг оси вращения, лежала плотная белесо-серая корка.

Шелест кончиком ногтя мизинца в перчатке тронул налет. Вещество раскрошилось, превратившись в сухую, мелкодисперсную муку. Не речной ил. Не черный мазут из трюма, которым были пропитаны полы дизельной.

Это была сухая известковая штукатурка с вкраплениями дробленого кирпича XIX века. Тот самый состав кладочного раствора, который тридцать минут назад выбило ударами колуна и фомки из дверного косяка кабинета Гордеева на втором этаже. Частицы были абсолютно сухими, они не успели напитаться влагой коридорного воздуха.

Нож находился в зоне взлома двери. И уронили его на доски первого этажа не два дня назад, а считанные минуты назад — во время спуска группы по лестнице.

Шелест опустил руку. Его левое веко дернулось один раз, стянув мышцу к виску.

— Крови на полотне нет, — произнес Шелест ровным, процессуальным тоном, не выдавая выводов о штукатурке. — На клинке — технический консервант. Предмет изымается.

Из внутреннего кармана бушлата он достал прозрачный полиэтиленовый пакет с застежкой-гриппером — упаковку от запасных радиоламп. Аккуратно, придерживая нож через платок, Шелест опустил инструмент внутрь, выдавил лишний воздух и провел ногтем по пластиковой дорожке замка. Пакет с сухим треском загерметизировался. Шелест убрал его во внутренний карман, рядом с остывающим смартфоном и ключом от кабинета начальника.

— Вопрос принадлежности ножа зафиксирован в журнале, — Шелест выпрямился во весь рост, обводя взглядом троих подчиненных. — Разборки прекратить. В коридоре не оставаться. Всем войти в кают-компанию. Сесть за длинный стол по правой стороне. Руки положить на столешницу. Ладони раскрыть. Движение без команды запрещаю. Шагом марш.

На циферблате наручных часов фосфорные риски сошлись на 23:15.

Кают-компания первого этажа встретила их сырым, застоявшимся холодом нетопленной казармы. Потолочный свод из красного кирпича висел низко; по швам между рядами сочилась влага, собираясь в мутные капли на кованых крюках для подвешивания провизии. В центре помещения стоял длинный стол из неструганых сосновых плах, вьевшихся в гранитный пол тяжелыми дубовыми ножками. Столешница хранила следы десятков зимовок: глубокие поперечные зарубки от разделочных секачей, черные кольца от горячих котелков и вьевшуюся в поры древесины соль.

В центре стола чадила керосиновая лампа «Летучая мышь». Ее жестяной резервуар вибрировал в такт ударам озерной волны о внешний мол. Стекло с одной стороны затянуло плотной коричневой копотью; фитиль трещал, выбрасывая в воздух едкий, керосиновый чад с привкусом несторевавших углеводов и горелой хлопковой нити.

Шелест сел во главе стола на табурет с крестовиной. Дерево под ним скрипнуло. Из нагрудного кармана бушлата он извлек сложенный вдвое лист из вахтенного журнала — плотную кремовую бумагу фабрики «Гознак» с четкой синей сеткой граф. Разгладил сгиб ребром ладони. Из того же кармана достал советскую шариковую авторучку из серого полистирола с остатками фиолетовой пасты. Положил ее параллельно верхнему срезу листа.

Напротив, на грубой скамье у холодной чугунной плиты, сидела Елена Васина. Девушка сжалась, стараясь занять как можно меньше пространства. Ее колени были плотно сведены, плечи подняты к ушам, а кисти рук полностью втянуты в длинные рукава синего вязаного свитера — наружу торчали только кончики пальцев, синюшные от холода, с побелевшими ногтевыми пластинами. Нижняя губа мелко вибрировала, обнажая полоску десны; след от прикуса уже запекся узкой темной коркой.

По правую руку от нее расположился Артем Седых. Гидролог сидел прямо, отодвинувшись от края стола на ширину ладони, закинув ногу на ногу. Его халат был расстегнут, длинные пальцы в тонких нитриловых перчатках лежали на колене, постукивая по ткани флисовых брюк в сложном, синкопированном ритме. Барышев остался у входной двери: оперся широкой спиной о гранитный косяк, скрестив замасленные предплечья на груди, и сверлил взглядом жестяную кружку на полке буфета.

Шелест снял колпачок с ручки. Пластик щелкнул. Звук вышел сухим, коротким.

— Васина, — произнес Шелест. В его голосе отсутствовала вопросительная интонация. Это была фиксация процессуальной роли. — Время двадцать три шестнадцать. Проводится опрос по факту обнаружения тела начальника станции Гордеева Виктора Сергеевича с признаками насильственной смерти. Подтверди хронологию действий в интервале с двадцати одного ноль-ноль до момента вскрытия кабинета.

Девушка вздрогнула всем корпусом, словно от толчка в спину. Ее взгляд метнулся к темному стеклу керосиновой лампы, затем опустился на столешницу, вперившись в серый круговой след от жестянки с солью. Пальцы внутри рукавов судорожно зашевелились; послышался едва различимый скрежет серебряного ободка о шерстяную нить.

— Я... я уже говорила на лестнице, — ее голос сорвался, осип, она прокашлялась, прижав кулак ко рту. Горло свело спазмом, Васина судорожно сглотнула вязкую слюну. — Зачем снова?... Он же сам попросил. Сам.

— Под протокол, — Шелест не поднял глаз от бумаги. Кончик шариковой ручки замер над графой «Время / Обстоятельства». — Последовательность. По минутам.

— В... в девять вечера я закончила обработку ленты плувиографа, — начала она, заикаясь на шипящих. Дыхание ее было поверхностным, частым, поднимающим ворот свитера короткими толчками. — Сдала сводку в радиорубку... вас там не было, Марк Михайлович, вы в аккумуляторную уходили с тестером. Потом я пошла сюда. На кухню. Было очень холодно, от пола дуло. Я растопила плиту двумя брикетами торфа, поставила чайник. Эмалированный, серый, он на плите сейчас стоит...

Шелест скользнул взглядом по варочной поверхности чугунной плиты. Большой чайник с отбитым носиком стоял на остывающей конфорке. На жестяной крышке блестели капли осевшего конденсата.

— Время закипания? — отрывисто бросил Шелест.

— Двадцать... двадцать один двадцать, — Васина судорожно сжала пальцы в кулаки, пряча их глубже в сукно рукавов. — Засвистел свисток. Я сняла. Достала жестяную банку с полки... там сбор сушеный, чабрец с мятой и шиповником. Виктор Сергеевич другой чай не признавал, говорил, от гранулированного у него изжога и давление прет. Я насыпала три ложки в его заварочный термос... такой маленький, китайский, со стеклянной колбой. Залила крутым кипятком. Оставила настаиваться на десять минут, как он требовал.

— Кто находился в кают-компании в этот момент?

— Никого, — Васина мотнула головой, прядь сальных волос выбилась из тугого пучка на затылке и упала на щеку. Она не стала ее убирать. — Только шторм... в трубе гудело так, что заслонка на печи звенела. И вода... вода под пирсом грохала. Я одна была.

— Движение по коридору фиксировала?

— Илья Семенович проходил... — она скользнула взглядом по сапогам дизелиста у двери. — С ведром керосина и тряпками. Спустился в трюм, в дизельную. Хлопнул гермодверью. Больше никого.

Барышев за ее спиной тяжело переступил с ноги на ногу. Подошва кирзового сапога скрипнула по песчинкам на полу. Механик шумно втянул носом воздух, но промолчал, насупив седые кустистые брови.

— Дальше, — Шелест вывел на бумаге: «21:20 — заварка сбора (чабрец, шиповник). Изоляция кухни подтверждена».

— В двадцать один тридцать сбор настоялся, — Васина заговорила быстрее, ее речь стала рваной, предложения крошились, теряя грамматическую связность. — Я взяла термос. Взяла его любимую кружку, толстую, фаянсовую. Пошла на второй этаж. Чугунная лестница ледяная была, перила прямо жгли ладонь через варежку... Я поднялась. Дверь в его кабинет была приоткрыта. На палец. Из щели полоса света падала на пол коридора.

Шелест зафиксировал деталь.

— Приоткрыта?

— Да! — Васина дернула подбородком, ее расширенные зрачки лихорадочно блестели в желтом пламени «Летучей мыши». — Я толкнула ее локтем, потому что руки были заняты термосом. Виктор Сергеевич сидел за столом. Бумаги перед ним лежали... эти, синие простыни промеров глубин и расчетные ведомости. Настольная лампа горела. Он... он был страшный. Лицо красное, бордовое прямо, воротник рубашки расстегнут, пуговица на полу валялась у ножки стола. И он кричал.

— На кого? — Шелест поднял взгляд. Левое веко напряглось, застыв в неподвижности.

— В трубку! — Васина прижала сжатые кулаки к ключицам. — В переносную станцию радиорелейки! До того, как мачту срезало... это без десяти десять мачта упала, а тогда еще канал держался! Он орал в микрофон, плевался слюной... Стучал кулаком по столу так, что карандаши в стакане подпрыгивали! Кричал: «Я вам не мальчик на побегушках! Вы мне за закрытие навигации сполна отвалите, или я акты в прокуратуру лично на катере отвезу, как лед встанет!»

Седых за столом плавно изменил позу. Нога, лежавшая на колене, опустилась на пол. Ступни гидролога встали параллельно, подошвы полиуретановых кед плотно прижались к доскам. Стук пальцев по бедру прекратился.

— Корреспондент на том конце линии был идентифицирован? — спросил Шелест, не отрывая взгляда от лица девушки.

— Нет... не знаю я! — Васина затрясла головой, ее дыхание перешло в короткие, всхлипывающие толчки. — Там треск стоял, шипело все. Он меня увидел, заорал: «Поставила и пошла вон!» Я термос на угол стола опустила, кружку рядом поставила. А он... он добавил: «Где этот глист очкастый шляется? Передай Седых, пусть немедленно берет журналы сбросов за третий квартал и дует ко мне. Если через пять минут не будет здесь с чистовиками — я его прямо в эту жижу придонную макну, с которой он пробу снимал!»

— Дальше?

— Я... я испугалась, — Васина сжалась еще сильнее, ее голос опустился до свистящего шепота. — Он матом пошел крыть. Сказал, что знает, какие суммы... какие суммы гуляли мимо кассы за ноябрьские сбросы с комбината...

В кают-компании раздался громкий, раскатистый кашель.

Седых закашлялся резко, согнувшись вперед, шумно прижав к губам тыльную сторону ладони в синей перчатке. Звук был искусственным, форсированным, разорвавшим фразу Васиной точно на слове «комбината». Кашель длился секунды четыре, переходя в сухое першение в трахее.

Гидролог выпрямился, достал из кармана халата сложенную бумажную салфетку, промокнул губы и аккуратно поправил титановую оправу на переносице.

— Прошу прощения, — голос Седых звучал гладко, холодно, без малейших признаков спазма голосовых связок. — Продукты неполного сгорания алифатических углеводов из вашего архаичного осветительного прибора действуют как мощный ингаляционный раздражитель на бронхиальное дерево. Елена Николаевна находится в состоянии глубокой эмоциональной декомпенсации. Экстраполировать ее бредовые интерпретации чужих телефонных разговоров на материальную действительность — верх процессуальной некомпетентности. Виктор Сергеевич страдал органическим расстройством личности на фоне хронической алкогольной энцефалопатии. Его вербальные вспышки не имели денотата в физическом мире.

Васина мгновенно замолчала.

Словно по команде невидимого тумблера, ее спина одеревенела. Нижняя челюсть захлопнулась, зубы сжались с глухим щелчком. Она втянула голову в плечи, уставилась неподвижным, остекленевшим взглядом в темное пятно на столе и замерла. Пальцы в рукавах свитера прекратили движение.

Шелест медленно перевел взгляд с гидролога на девушку.

— Васина. Продолжай показания. Что конкретно Гордеев сказал о суммах и ноябрьских пробах?

Девушка не шелохнулась. Ее дыхание стало настолько поверхностным, что грудь под свитером почти не вздымалась. На скулах проступили две белые полосы спазмированных капилляров.

— Я... я ничего не помню, — выдавила она монотонным, деревянным голосом в крышку стола. — В ушах шумело. Ветер выл. Может, мне послышалось. Он просто кричал. Я поставила термос и ушла в свою каюту. Закрылась. Больше я ничего не знаю. Ничего не скажу.

Шелест выждал паузу в пять секунд. В комнате было слышно лишь, как керосиновый фитиль пожирает топливо — сухое, дробное потрескивание в жестяной гильзе.

Надавив шариком ручки на бумагу вахтенного листа, Шелест ровным каллиграфическим почерком, выработанным годами составления обвинительных заключений, внес запись:

«21:30 — контакт Васиной с Гордеевым. Признаки внеслужебного конфликта. Предмет: фальсификация экологического контроля / ноябрьские сбросы целлюлозно-бумажного комбината. Источник финансирования не установлен».

Он поставил жирную точку.

Насадил пластиковый серый колпачок на корпус ручки. Раздался резкий щелчок фиксатора.

Шелест поднял голову и повернулся к дверному проему, уперев тяжелый, немигающий взгляд в перепачканное мазутом лицо Барышева:

— Барышев. Твоя очередь. Какое отношение твой монтерский нож имеет к выломанному косяку кабинета начальника?

Стрелка наручных механических часов переместилась на 23:35.

Барышев оторвался от гранитного дверного косяка. Его тяжелое тело сдвинулось вперед с глухим шарканьем кирзовых подошв по песку, нанесенному ветром с порога. Механик подошел к длинному сосновому столу, с силой выдвинул массивный дубовый табурет и тяжело опустился на него напротив Шелеста. Дерево под его весом протяжно взвизгнуло. Барышев уперся широкими локтями в изрезанную столешницу, подавшись всем корпусом вперед.

От него пахло тяжелой, удушливой волной: застарелый табачный нагар дешевой махорки, едкий кислый перегар вчерашнего технического спирта и въевшийся в поры кожи запах дизельного топлива марки «Л». Лицо дизелиста горело багровыми пятнами. Белки его глаз, заплывшие от хронического недосыпа, были густо исчерчены тонкими алыми нитями лопнувших капилляров. Толстые, заскорузлые пальцы, покрытые несмываемой графитовой чернью и сетью глубоких трещин вокруг ногтевых пластин, начали часто, с сухим стуком барабанить по дереву стола. Ноготь большого пальца, разбитый старым ударом молотка, почернел и отошел от ложа, обнажая серый ороговевший валик.

— Ты мне этот секач в рыло не суй, Марк, — прохрипел Барышев, и в его трахее kloko-тал густой, вязкий свист. Он говорил утробным, надтреснутым басом, выталкивая слова через сжатые зубы. — Делов-то... нашли крайнего. У Барышева руки в мазуте, значит, Барышев начальника порешил? Так, что ли, твоя юриспруденция работает?

Шелест не изменил позы. Ручка в его руке оставалась неподвижной, острие пера замерло в полумиллиметре над графой опросного листа. Левое веко дернулось — короткий, сухой спазм.

— Фиксируются факты, Илья, — голос Шелеста звучал монотонно, с плотностью канцелярского штампа. — Нож принадлежал тебе. Орудие обнаружено у подошвы лестницы через сорок минут после наступления биологической смерти Гордеева. На шарнире — известковый состав из косяка взломанной двери. Объясняй свое местонахождение с двадцати одного пятидесяти до двадцати двух двадцати пяти.

Барышев шумно, со свистом выдохнул через ноздри воздух, раздувая седые усы. Стук его пальцев по столу оборвался. Он сжал ладони в кулаки, вдавив их в столешницу так, что костяшки побелели под слоем мазута.

— В поколе я сидел! — рывкнул он, и желваки на его квадратной челюсти заходили буграми. — В двадцать один пятьдесят сработал аварийный клапан на втором контуре охлаждения. Завоздушило теплообменник к чертовой матери. Солярка густая, помпа давит рывками,

в расширительном баке кипение пошло. Стрелка термометра на девяносто восемь полезла! Если бы я рубашку дизеля не пролил и воздух не стравил — головку блока повело бы через десять минут. И всё. Кирдык генератору. Остров без света, насосы встали, станция вымерзла за два часа.

Механик наклонился еще ближе к Шелесту, так что запах горелого машинного масла перебил чад керосинового фитиля:

— Я в двадцать один пятьдесят пять полез на станину. Взял рожковый ключ на двадцать четыре и кусок дюритового шланга. Полез под самый потолок, к перепускному вентилю магистрали отопления. Там закисло спускная пробка, резьба на конус, ржавчина хлопьями. Я её обстукивал ключом минут пятнадцать, пока стронул. Потом винт приотпустил — пар пошел со свистом, кипяток через тряпку хлещет, пальцы до мяса ошпарил! Сидел на баке и стравливал, пока струя ровной не пошла, без пены. До двадцати двух двадцати пяти с мотора не слезал, пока температуру на восемьдесят градусов не уложил. Только ветошью руки обтер — слышу, сверху грохот и твой голос на лестнице. Выскочил на первый этаж в одних носках и кирзачах. Вот тебе поминутно всё, хоть в протокол строчи, хоть на лоб мне клей!

Шелест медленно отвел взгляд от лица механика, посмотрев в темный угол кают-компании.

Там, сквозь кирпичную кладку перекрытия, вертикально проходила толстая чугунная труба обратного контура водяного отопления, уходившая прямо в пол, в цокольный ярус.

В памяти Шелеста мгновенно включилась акустическая развертка вечера.

В двадцать два десять он находился в радиорубке, расположенной через стену отсюда. Радиостанция шипела белым шумом после крушения мачты. В помещении стоял холод. Отопительный стояк, прижатый хомутами к граниту, служил естественным акустическим волноводом между подвалом и верхними этажами: металл передавал механические вибрации плотно, без затухания, свойственного воздушной среде.

Шелест отчетливо вспомнил: ровно в двадцать два пятнадцать — за секунды до того, как с верхнего этажа донесся глухой удар падающего тела Гордеева — чугунная труба отопления завибрировала.

Раздалась серия резких, ритмичных металлических ударов. *Дзынь... дзынь... дзынь.* Звук удара закаленной стали по чугунной муфте. Затем последовала пауза в тридцать секунд, новый цикл коротких ударов — сбивали закишную гайку — и характерный протяжный шипящий визг вырывающейся паровоздушной смеси высокого давления: *п-ш-ш-ш-у-у.* Этот звук длился непрерывно не менее семи минут, вплоть до момента, когда Шелест сам вышел из радиорубки к лестничному маршу.

Физика процесса исключала фальсификацию. Человек, стравливающий воздух из завоздушенной системы под давлением в три атмосферы, обязан удерживать клапан вручную через защитный кожух, иначе гидроудар сорвет патрубков. Механический автоклав на станции отсутствовал. Барышев физически находился на станине дизель-генератора в цоколе в момент нанесения Гордееву смертельного удара и введения яда.

Подъем из цоколя на второй этаж по крутой чугунной спирали занимал сорок пять секунд бегом с неизбежным грохотом кованых подошв по ступеням. Никаких шагов по лестнице в интервале с 22:10 по 22:25 не фиксировалось.

Шелест опустил ручку на лист бумаги и вывел: *«Алиби Барышева И.С. подтверждено акустической фиксацией работ на контуре дизеля в 22:15. Прямой доступ к телу в момент инцидента исключен».*

Барышев тяжело перевел дыхание, глядя, как ложится строка фиолетовых чернил. Его плечи чуть опустились, но кулаки остались сжатыми.

— Делов-то... — уже тише буркнул механик, проведя тыльной стороной замасленного рукава по взмокнутому лбу. — Я ж говорю: в трюме я был. Но есть еще кое-что, Марк. Ты вот ножиком моим тычешь, а глаза разуть не хочешь.

Шелест поднял голову. Левое веко замерло.

— Конкретизируй, — бросил он.

— Когда я на бак полез, в двадцать один пятьдесят пять или около того... у меня фонарь налобный сел, — Барышев ткнул узловатым пальцем в сторону потолка. — Пришлось аварийную переноску цеплять к щитку. А в цоколе под самым сводом, аккуратно над топливной емкостью, слуховое окно выходит. Прямо наружный, на восточную террасу, что к лабораторному крылу ведет. Стекло там затянато льдом, конечно, мутное всё, но сквозь решетку наружу видно.

Васина на противоположном конце стола дернулась. Ее пальцы, спрятанные в рукавах вязаного свитера, судорожно стиснули ткань на коленях. Она вскинула расширенные, блестящие от влаги глаза на Барышева, приоткрыв рот в беззвучном порыве, но тут же прикусила губу, снова вдавливая подбородок в ворот.

— Что наблюдалось через слуховое окно? — спросил Шелест.

— Луч там гулял, — твердо произнес Барышев, и его маленькие воспаленные глаза сузились. — Не наш станционный прожектор — прожекторы Гордеев еще в восемь вечера велел вырубить ради экономии аккумуляторов. Карманный фонарь. Узкий, белый, светодиодный луч. Резал метель прямо по наружному мостику, который от жилого корпуса к гидрологической лаборатории идет. Шторм крутит, снег стеной, а огонь движется. Причем низко к настилу, будто человек на карачках ползет или от ветра укрывается за чугунным фальшбортом.

— Время фиксации?

— Аккурат перед тем, как я ключом по трубе бить начал. Минут за десять до обрыва мачты. Значит, около двадцати двух ноль-ноль или двадцати двух ноль-пять. Фонарь метнулся по мостику к двери лаборатории, потом погас. Либо внутрь нырнул, либо выключил.

Барышев замолчал, тяжело сглотнув. В кают-компании воцарилась тяжелая, осязаемая тишина, нарушаемая лишь глухими толчками ладожской волны в гранитное основание форта и шипением керосинового пламени под закопченным колпаком.

Шелест не торопился делать запись.

Он медленно перевел взгляд вдоль полированной поверхности соснового стола.

Слева сидела сжавшаяся Васина — ее дыхание сбивалось, грудь вздымалась неровными, рваными толчками, взгляд был прикован к собственным коленям.

Справа сидел Артем Седых.

Гидролог не шевелился. Его поза оставалась подчеркнута расслабленной, но костяшки пальцев в тонких нитриловых перчатках, покоившиеся на бедре, побелели от скрытого статического напряжения. На чистом синем лацкане лабораторного халата тускло блестел металлический значок гидрометеорологической службы. На щеке, ближе к мочке уха, проступила тонкая красная царапина — свежая, без признаков струпа, словно оставленная металлической заусенцем или осколком обледенелого настила.

Шелест положил ладонь на опросный лист, слегка развернув корпус в сторону гидролога.

Холодный, тяжелый взгляд бывшего следователя опустился на Седых, фиксируя каждую микродеталь: ритм дыхания, положение плечевого пояса, угол наклона головы.

— Седых, — Шелест произнес фамилию негромко, но звук разорвал спертый воздух помещения с отчетливостью взведенного затвора. — Твой выход на внешний мостик в двадцать два ноль-пять. Цель перемещения в гидрологическую лабораторию в разгар девятибалльного шторма. Докладывай.

Часы на запястье Шелеста щелкнули, сдвинув стрелку на 23:55.

Фитиль «Летучей мыши» выбросил в воздух очередную порцию копоти; тонкий слой сажи уже покрыл жестяные плечики лампы. Внизу, у самого пола, сквозняк волочил полосу ледяного воздуха, заставляя стынуть пальцы в сапогах. Шелест не шевелился. Его предплечья лежали на сосновой плахе стола параллельно друг другу, пальцы удерживали шариковую ручку с открытым пером.

Седых медленно откинулся на спинку деревянной скамьи. Движение вышло плавным, подчеркнуто неторопливым. Он положил ногу на ногу, расправил полу темно-синего халата и поправил титановую оправу очков сухим, выверенным жестом. На его узком, белом лице не дрогнул ни один мускул. Взгляд за диоптрийными стеклами оставался полусонным, подернутым пленкой высокомерной усталости.

— Мой выход на открытый контур, Марк Михайлович, был продиктован служебной необходимостью, а не вашими криминалистическими фантазиями, — голос Седых звучал гладко, фразы лились без малейших запинок, с размеренной профессорской дикцией. — Согласно циркуляру Северо-Западного управления гидрометеослужбы, во время экстремальных барических депрессий возникает феномен ветрового нагона с резким разрушением термической стратификации водных масс. Придонный термоклин смещается. Вода из нижних горизонтов поднимается к водозабору, меняя концентрацию растворенного кислорода и солевой баланс.

Седых чуть повернул кисть, демонстрируя идеальную чистоту синей нитриловой перчатки:

— В двадцать два ноль-ноль я зафиксировал скачок окислительно-восстановительного потенциала на стационарном датчике придонного слоя. Данные требовали немедленной верификации химическим методом. Титрование по Винклеру. Процедура не терпит задержек: фиксация марганцем и йодидом калия должна производиться в первые пять минут после отбора пробы, иначе атмосферный кислород исказит титр. Я взял лабораторный фонарь, прошел по переходному мостику в гидрологическую лабораторию, отобрал контрольный объем из проточной магистрали глубинного забора и провел первичное осаждение гидроксидов. Рутинная гидрохимия. Никакой мистики. Никаких нарушений.

Васина сидела неподвижно, но кончики ее пальцев в шерстяных рукавах свитера конвульсивно сжались, сминая плотную ткань на коленях. Барышев у входа шумно засопел, выпустив через ноздри струю сизого махорочного перегара, но промолчал, насупившись.

Шелест не отрывал взгляда от лица гидролога.

Левое веко дернулось — один короткий, острый спазм, стянувший кожу к наружному углу глаза. Шелест перевернул страницу вахтенного журнала тыльной стороной ручки, обнажив типографскую таблицу инструкций внутреннего распорядка станции Сухо, вклеенную в нахзац еще при формировании архива.

— Циркуляр РД 52 точка 24, — произнес Шелест. Тон был сухим, монотонным, вымороженным до полной потери интонаций. — Регламент безопасности гидрологических постов первого разряда. Раздел четыре, пункт двенадцать: при штормовом предупреждении с силой ветра свыше шести баллов и отрицательной температуре воздуха любые манипуляции на открытых переходах, мостиках и открытых водозаборных оголовках категорически запрещаются. Выход на наружный периметр допускается исключительно в составе штормовой связки из двух человек, в спасательных поясах, с гидрокостюмами «ГК» и с прямой фиксацией на страховочном леере.

Шелест сделал паузу ровно в три секунды, давая звуку собственного голоса осесть на влажных кирпичных сводах.

— В двадцать два ноль-ноль шторм составлял девять баллов. Порыв ветра — до двадцати восьми метров в секунду. Наружные металлоконструкции покрыты глазурным льдом толщи-

ной в два сантиметра. Ты вышел один. Без страховочного конца. Без защитного гидрокостюма — в тонком лабораторном халате и легких полиуретановых кедах.

Седых замер. Поза осталась прежней, но подбородок гидролога едва заметно приподнялся, натягивая кожу на кадыке.

— Научная добросовестность иногда требует пренебрежения архаичными формулярами, составленными кабинетными чиновниками, — бросил Седых, и в его голосе прорезались тонкие, царапающие ноты. — Если бы я ждал Барышева с его вечным похмельем, проба была бы деградирована. Смещение термоклина происходит лавинообразно.

— Проточный забор глубинного контура заведен непосредственно в цоколь, к водозаборной помпе номер один, — Шелест перебил его без повышения громкости, рубя фразу короткими, выверенными сегментами. — Отбор проб химическим методом производится через сливной латунный кран на напорной линии в дизельной. В трех метрах от рабочего места Барышева. Для титрования по Винклеру нет необходимости пересекать обледенелый внешний мостик под ураганным ветром. Лаборатория на открытом пирсе используется исключительно для механических испытаний и консервации донных осадков тяжелым инвентарем.

Седых резко дернул головой.

Его правая рука сорвалась с колена. Указательный палец в тонкой резине перчатки метнулся к переносице, поправляя титановую оправу, но палец соскользнул: кожа на переносице гидролога внезапно взмокла, покрывшись мелкой испариной. На стеклах очков, с внутренней стороны, легли два мутных полукруга от частого, сбившегося дыхания.

— Вы... вы не понимаете специфики гидрологического пробоотбора, — фраза Седых споткнулась на первом слове. Менторский, гладкий ритм рассыпался, сменившись торопливой, сухой скороговоркой. Зрачки за толстыми линзами сузились, метнувшись к темному углу кают-компания, затем к чадающему пламени керосинки. — Проточная линия цоколя дает систематическую погрешность по растворенному железу из-за коррозии чугунных патрубков насоса! Для чистого титра необходим первичный объем непосредственно из гидрологического батометра, который хранится в рабочей зоне лаборатории! Я использовал ручной пробоотборник...

— Батометр Руттнера весит четырнадцать килограммов в снаряженном состоянии, — Шелест подался вперед на два дюйма, оперев локти в сосновый настил стола. — Латунный цилиндр с двумя свинцовыми клапанами и комплектом калиброванных весовых грузов. Человек астенического телосложения весом менее шестидесяти пяти килограммов не способен удерживать четырнадцатикилограммовый латунный снаряд на обледенелом мостике при порывах ветра двадцать восемь метров в секунду без применения лебедки. Лебедка на внешнем пирсе обесточена с двадцати одного сорока, после падения ретранслятора.

Седых судорожно сглотнул вязкую слюну; его худой кадык дернулся вверх и застрял на секунду между напряженными связками шеи. Пальцы левой руки гидролога вжались в край скамьи, ногти сквозь нитрил заскребли по сухой сосновой коре. Свежая царапина возле его уха налилась темной, вишневой кровью, выделив четкую рваную полосу эпидермиса.

— Я... я производил забор не с мола, — выдавил он, и голос его прозвучал глухо, словно из пустой бочки. — Я брал пробу из инспекционной шахты. Внутри лабораторного бокса.

— В журнале движения реактивов отсутствует запись о расходе йодида калия и сульфата марганца за сегодняшнее число, — отрезал Шелест. — Последняя запись датирована девятнадцатым ноября.

Шелест резко поднялся на ноги.

Тяжелый дубовый табурет с визгом прочертил ножками по гранитному полу, оставив две белые борозды на камне. Звук разорвал гул ладожского шторма за стенами. Васина вздрогнула всем телом, вжав голову в плечи и зажмурившись; ее сухое дыхание перешло в частый, пре-

рывистый сип. Барышев мгновенно выпрямился, оторвав лопатки от косяка, его замасленные кулаки опустились к бедрам, готовые к физическому захвату.

Шелест достал из бокового кармана взрывозащищенный дюралюминиевый фонарь. Металл корпуса лег в ладонь привычной тяжестью.

— Встать, — скомандовал Шелест. Команда прозвучала без крика, но с такой плотностью диспозиции, что Седых поднялся со скамьи автоматически, чисто рефлекторно подчиняясь приказному тону. Колени гидролога чуть дрогнули, полы синего халата качнулись.

— Что... что вы намерены делать? — пробормотал Седых. Его высокомерная осанка исчезла: плечи свело вперед, руки бессильно повисли вдоль бедер, пальцы судорожно подергивались.

— Осмотр места предполагаемого нахождения вещественных доказательств, — Шелест защелкнул пуговицу бушлата под горлом. — Лаборатория гидрологии. Первый этаж, восточное крыло. Седых идет первым. Дистанция — один метр. Руки держать на уровне груди, ладони раскрыты наружу. Барышев — замыкающий с фомкой. Васина остается за этим столом. Выход из помещения запрещая.

— Да я... я сам все покажу, — торопливо, сглатывая слова, забормотал Седых. — Там реактивы на полках, концентрированная серная кислота, там нельзя без допуска...

— Шагом марш, — Шелест указал лучом фонаря на выход из кают-компания.

Они вышли в узкий, промерзший коридор, ведущий к восточному тамбуру. Температура здесь упала до нуля: от внешних гранитных плит тянуло стылой могильной сыростью. Походка Седых потеряла прежнюю упругость: он шагал неровно, шаркая толстыми подошвами кед по доскам, то и дело цепляясь носками за стыки половиц. Спина гидролога под тонкой тканью халата сутулилась, лопатки торчали двумя острыми углами. Сзади тяжело и размеренно ступал Барышев, сжимая в правой руке стальную фомку; от механика исходил ровный, густой жар разогретого соляной тела.

Они преодолели массивную тамбурную переборку с винтовыми кремальерными запорами. Металлическая дверь гидрологической лаборатории была прикрыта, но не заперта на засов — язычок замка свободно висел в проеме.

Шелест выставил левую руку в шерстяной перчатке, отстранил Седых к гранитному откосу и толкнул полотно двери от себя.

Железо со скрежетом подалось.

Из темного проема лаборатории наружу выплеснулась волна тяжелого, едкого воздуха. В нос ударил концентрированный, удушливый запах формалина, смешанный с кислой вонью уксусного ангидрида, йодистым осадком и застойным, затхлым духом озерного ила, гниющего в образцах донных отложений.

Шелест перешагнул стальной комингс и щелкнул кнопкой фонаря, переводя рефлектор на максимальную ширину светового пучка.

Белый диодный свет залил узкое, вытянутое помещение. Вдоль стен тянулись лабораторные столы, покрытые белым химически стойким пластиком, местами прожженным кислотными потеками. На штативах мертво застыли пустые стеклянные бюретки, мерные колбы и капельницы с притертыми пробками. Вся посуда была сухой, покрытой тончайшим слоем лабораторной пыли. Никаких следов свежего титрования по Винклеру: ни бурого осадка гидроксидов марганца, ни темно-синей окраски индикаторного крахмала в сливных раковинах. Раковина из нержавеющей стали была сухой, с ржавым налетом на сетке выпуска.

Шелест плавно повел лучом вправо — к массивному верстаку из дубового бруса, предназначенному для обслуживания тяжелого заборного оборудования.

В центре верстака стояла массивная деревянная подставка — ложемент из мореного ясеня со специальными полукруглыми выемками, обитыми толстым техническим войлоком для фиксации цилиндрического корпуса прибора.

Ложемент был пуст.

Тяжелый глубоководный батометр Руттнера отсутствовал.

На светлом войлоке выемки четко выделялся темный влажный след от недавнего контакта с металлом. А рядом, на полированной деревянной плоскости верстака, луч фонаря выхватил две глубокие свежие царапины, содравшие слой лака до белых волокон древесины. Царапины вели к краю стола, словно массивный латунный цилиндр весом в четырнадцать килограммов спешно сдернули с подставки обеими руками, не заботясь о сохранности инвентаря.

Наручные часы Шелеста щелкнули в тишине лаборатории, переместив фосфорную стрелку на 00:15.

Шелест не отрывал взгляда от пустой подставки под батометр Руттнера. Запах формалина здесь стоял густой, едкий, вязущий слизистую носоглотки; в нем растворялся слабый кислый душок уксусного ангидрида и застоявшейся в склянках болотной жижи. В полуметре от верстака струился сквозняк — узкая щель под наружной металлической фрамугой пропускала ледяной уличный воздух, заставляя пар от дыхания стелиться над столешницами тонкими рваными полосами.

Шелест сделал шаг к центральному лабораторному столу, заваленному химической посудой.

Луч взрывозащищенного фонаря скользнул по рядам стеклянных мензурок, мерных цилиндров с притертыми пробками и трехрогих колб на металлических штативах Бунзена. Шелест снял шерстяную перчатку с правой руки, сунул ее в карман бушлата и коснулся подушечкой указательного пальца широкого горлышка конической колбы Эрленмейера, стоявшей в центре штатива для титрования.

Палец ощутил шершавую, сухую пленку.

Это была не свежая влага реакционной смеси. На стекле лежал плотный, равномерный слой серой минеральной пыли — смесь известковой взвеси фортовой кладки и осадка от сгорания солянки. Пылевой чехол толщиной в долю миллиметра укрывал градуированные деления бюретки, основание штатива и носик стеклянного крана. Никаких следов капель. Никаких отпечатков на притертых шлифах. Стеклянный кран-дозатор закис в гнезде: смазка высохла, превратившись в твердую желтую окалину.

Шелест сместил палец на реактивную полку, где стояли темные склянки с этикетками «Калий йодистый, ч.д.а.» и «Марганец серноокислый, 5-водный».

Крышки из черного бакелита были сухими. В кольцевых зазорах между горловиной и пробками скопилась слежавшаяся, отвердевшая грязь. Ни одна емкость сегодня не откупоривалась. Никакого титрования по Винклеру в двадцать два ноль-ноль здесь не производилось. Физическая среда лаборатории находилась в консервации не менее пяти суток.

Шелест вытер палец о шов бушлата. Кожа ощутила тонкий, колющий холодок остывающего сукна.

— Пылевой слой на измерительной посуде непрерывен, — произнес Шелест, не оборачиваясь. Голос прозвучал глухо, ударившись о кафельный фартук стены. — Термическая стратификация, титрование по Винклеру, ручной пробоотбор — ложные показания. Ты не прикасался к реактивам.

Седых стоял у двери, вжав затылок в гранитную четверть косяка. Барышев за его плечом тяжело переминался с ноги на ногу, не опуская пожарную фомку; от механика исходил резкий, удушливый запах машинного масла и горячего пота. Седых приоткрыл рот, судорожно втянул носом холодный воздух с формалином, но не издал ни звука. Его кадык дернулся вверх, застряв между натянутыми связками.

Шелест развернулся на каблуках. Луч фонаря метнулся к противоположной стене лаборатории.

Там, между вытяжным шкафом и запертым на висячий замок сейфом для прекурсоров, висел белый металлический шкафчик настенной судовой аптечки первой помощи. На дверце под облупившейся белой эмалью темнел трафаретный красный крест. Защелка шкафчика — простая никелированная вертушка — стояла горизонтально, в незапертом положении.

Шелест подошел к шкафчику, подцепил край дверцы кончиком пинцета, извлеченного из нагрудного кармана, и потянул на себя.

Петли скрипнули тонко, на высокой ноте.

Внутри пахло аптечным эфиром, камфорой, сухой марлей и слежавшейся гидрофильной ватой. На верхней металлической полке ровными стопками лежали перевязочные пакеты в прорезиненных чехлах, жгуты Эсмарха и банки с мазью Вишневского. На нижней полке находился глубокий пластиковый лоток для инъекционных препаратов с гнездами из формованного полистирола.

Шелест опустил луч на лоток.

В термоформованной кассете с надписью «Кардиоваскулярные и электролитные средства» чернели пустые посадочные места.

Две стеклянные ампулы с заводской маркировкой «Калия хлорид, 40 мг/мл — 10 мл», запаянные в прозрачный пластиковый блистер, отсутствовали. Рядом с гнездом ампул лежала вскрытая крафтовая упаковка от стерильного одноразового шприца объемом пять миллилитров: край бумажного слоя был неровно оторван, прозрачная пленка смята и брошена на дно металлического ящика. Самого шприца и инъекционной иглы калибра 0,8 миллиметра в аптечке не было.

Шелест задержал свет на пустых ячейках.

В голове мгновенно всплыла анатомическая картина из кабинета Гордеева: запрокинутый подбородок, багровая шея, капля свернувшейся сукровицы в складке под нижней челюстью и микроскопическая точечная рана с бледным ободком реактивного отека. Быстрое болюсное введение сорока миллиграммов концентрированного раствора хлорида калия вызывает мгновенную деполяризацию мембран кардиомиоцитов, поперечную блокаду проводящей системы сердца и диастолическую остановку. Физиологически — внезапная асистолия. Никаких следов на вскрытии без специальной токсикологической экспертизы электролитного градиента миокарда. Классическая имитация обширного трансмурального инфаркта.

Шелест повернул голову вполборота.

— Раствор хлорида калия, — произнес он, рубя слова с механической размеренностью протокола. — Десять миллилитров. Два флакона. Пятикубовый шприц. Где ампулы, Седых?

Седых дернулся, словно от хлесткого удара брезентовым концом. Он оторвал спину от гранита, сделал неловкий шаг вперед, но тут же наткнулся на выставленное колено Барышева и замер. Пальцы гидролога в синих нитриловых перчатках судорожно задвигались, комкая полы халата, сжимая тонкую хлопковую ткань в бесформенные узлы.

— Они... они разбились, — голос Седых звучал глухо, высокомерные модуляции окончательно выветрились из связок, сменившись торопливым, рваным полупшепотом. — Неделию назад. Была вибрация... Барышев продувал главный дизель на форсаже, перекрытия ходили ходуном. Шкафчик тряхнуло, кассета выпала на кафедру. Стекло треснуло, раствор вытек. Я... я лично утилизировал осколки. Это банальная бытовая авария.

Барышев за его спиной издал короткий свистящий звук, втягивая воздух через стиснутые зубы: — Чего ты мелешь, трепло? У меня дизель на виброопорах стоит, там подушки резиновые в два пальца толщиной! Ничего на первом ярусе от движка не бьется, если руками не махать!

Шелест поднял левую руку, останавливая механикера. Его глаза не отрывались от лица гидролога. Левое веко Шелеста дернулось — короткий, острый импульс, стянувший кожу к брови.

— Согласно инструкции по медицинскому учету на полярных и изолированных станциях, сильнодействующие препараты списываются комиссионно, — Шелест говорил ровно, делая паузу между смысловыми блоками. — По факту боя стекла составляется дефектный акт за подписью начальника станции и дежурного наблюдателя. Осколки ампул с маркировкой помещаются в контейнер сбора опасных отходов класса «Б» до передачи на борт снабжения. Покажи акт списания с визой Гордеева.

Седых молчал.

Его зрачки за толстыми стеклами очков сузились до размеров булавочных головок, взгляд метался по кафельному плинтусу лаборатории. Нижняя губа гидролога побелела; мелкие капли пота выступили над верхней губой, блестя под лучом фонаря. Желваки на его скулах ходили ходуном, сжимая челюсти до скрежета зубовой эмали. Пальцы в тонкой резине перчаток продолжали с остервенением мять подол халата, скручивая ткань в жгут, пока резина на указательном пальце не лопнула с сухим треском.

— Акта нет, — Шелест сделал полшага к гидрологу. Дистанция сократилась до метра. — Боя стекла в мусорном контейнере нет. В двадцать два пятнадцать Гордеев получает инъекцию калия в сонную артерию. Орудие преступления взято из этого шкафа. Ты имел к нему круглосуточный доступ.

Седых втянул голову в плечи, его дыхание стало прерывистым, поверхностным, плечи мелко затряслись в сухом, беззвучном ознобе. Он отступил назад, упершись поясницей в угол препараторского стола, сбив локтем пустую фарфоровую чашку. Чашка качнулась на шершавом пластике, но не упала.

В лаборатории повисла тяжелая, плотная тишина. Был слышен только приглушенный метровыми стенами форта утробный гул девятибалльной Ладоги и мерный, натужный клекот дизеля в цоколе: *тух... тух... тух*.

Внезапно этот ритм разорвало.

Снаружи, из холодного коридора восточного крыла, донесся резкий, дребезжащий звук.

Это был звон тонкого листового железа, с силой вибрирующего в пазах. Звук повторился: глухой удар, скрежет срываемой задвижки и металлический щелчок.

Звук исходил из встроенного стенного шкафа в пяти метрах от лабораторной двери — места, где в гранитный массив форта монтировался ревизионный люк главной вентиляционной шахты, связывающей цокольный ярус, кабельные каналы жилого блока и выход на крышу к метеорологической площадке.

Барышев вскинул фомку на уровень груди, его кирзовые сапоги тяжело скрипнули по бетону.

Шелест мгновенно погасил взрывозащищенный фонарь, погружая лабораторию в абсолютную, плотную тьму, и шагнул к выходу, положив ладонь на холодную чугунную рукоять открытой двери.

Темнота в лаборатории держалась три секунды. Шелест стоял неподвижно у дверного притвора, вслушиваясь в механику звуков за гранитной перегородкой.

В коридоре снова звякнуло — тонко, с дребезгом вибрирующей листовой жести. Следом по каменному настилу проскребло что-то тяжелое, чугунное, содрал слой сухого песка.

Шелест вдавил кнопку фонаря подушечкой большого пальца. Плотный белый конус света разрезал сумрак коридора. Не поворачивая головы, Шелест выскользнул в проем, прижимая локоть к бедру. Сзади тяжело ступил Барышев, сжимая стальную фомку двумя руками на уровне пояса; следом, шаркая полиуретановыми подошвами и судорожно втягивая воздух, семенил Седых.

Шелест на ходу коснулся груди: сквозь плотное сукно бушлата ощущался остывший плоский брусок смартфона. На мгновение вспыхнул экран через тонкую подкладку кармана — 00:30, заряд тридцать два процента, антенна пуста.

В пяти метрах от двери лаборатории, в глухой нише капитальной стены форта, распахнулись обе створки деревянного технического шкафа.

Внутри ниши зиял прямоугольный зев главной вентиляционной шахты. Тяжелая чугунная решетка размером восемьдесят на восемьдесят сантиметров — литая плита с ромбовидным узором, закрывавшая ревизионный колодец еще со времен постройки маячного форта, — была сорвана со свинцовых заделок. Верхние петли вывернуло из кладки с кусками старого раствора, а сама решетка стояла на полу, прислоненная под углом к гранитному плинтусу.

Из черного проема шахты навстречу Шелесту ударила мощная, ледяная воздушная тяга. Нисходящий поток штормового воздуха, нагнетаемый ураганом с крыши, ворвался в коридор с глухим гулом органной трубы. Сквозняк нес с собой удушливую, сухую вонь застарелого голубинового помета, скапливавшегося десятилетиями на верхних карнизах, едкий запах каменноугольной сажи и сырой озерной соли. Температура в коридоре упала мгновенно; ткань бушлата на груди Шелеста натянулась под напором ветра, а лицо обожгло ледяной пылью.

— Решетку сорвало... — прохрипел Барышев за плечом, прикрывая глаза замасленной рукавицей от летящей известковой крошки. — Да ее ж намертво заклинило еще при позапрошлом штурвале! Я ее в мае кувалдой сдвинуть не мог, когда заслонки чистил!

Шелест опустил на правое колено перед открытым люком.

Гранитная плита под коленной чашечкой отозвалась сухим, пронизывающим холодом. Шелест перехватил взрывозащищенный фонарь за рифленую шейку корпуса и направил луч внутри вертикального колодца.

Шахта представляла собой квадратный кирпичный ствол сечением примерно семьдесят на семьдесят сантиметров, уходящий сквозь толщу фортовой кладки. В правую стенку ствола были вмурованы тяжелые П-образные чугунные скобы — технологическая стремянка для трубочистов и ревизии тяги. На каждой ступени лежал вековой налет черной жирной копоти, смешанной с хлопьями голубинового пуха.

Шелест задрал голову, посылая световой столб вертикально вверх.

Луч высветил кирпичные ряды, скрепленные известковым раствором с добавлением битого кирпича. На высоте четырех метров — точно на уровне межэтажного перекрытия между первым и вторым ярусами — от основного вертикального ствола под углом сорок пять градусов отходил боковой дымоходный рукав.

Шелест зафиксировал геометрию перекрытий.

Этот рукав вел точно в восточный угол кабинета Гордеева. Там, в гранитной нише за шкафом с гидрологическими картами, располагался декоративный фальш-камин с чугунной заслонкой, переделанный из старой отопительной печи форта.

Выше этой развилки чугунные скобы продолжались дальше — вертикально вверх, сквозь чердачное пространство, прямо к вентиляционному дефлектору на плоской крыше жилого блока, в трех шагах от металлического мостика метеоплощадки и основания маячной башни.

Тайна «запертой изнутри комнаты» перестала существовать.

Механическая защелка на мореной дубовой двери кабинета Гордеева была повернута изнутри. Ключ торчал в скважине с внутренней стороны на два оборота. Но убийце не требовалось выходить через коридор второго этажа. Пространственная топография форта представляла прямой, скрытый эвакуационный канал. Нанеся удар по затылку начальника станции и введя летальную дозу хлорида калия в сонную артерию, преступник запер дверной ригель, открыл чугунную заслонку старого каминного зева, протиснулся в дымоходный рукав и вышел в центральный ствол шахты. Оттуда открывались два пути: либо наверх, через дефлектор на обледенелую крышу, либо вниз — прямо сюда, в технический шкаф коридора первого этажа, в пяти шагах от гидрологической лаборатории и кают-компаний.

— Никакой мистики замкнутого пространства, — произнес Шелест. Голос его прозвучал глухо, разрезая свист нисходящего воздушного потока. — Кабинет Гордеева имеет открытое

технологическое сопряжение с шахтой. Ригель двери заперт изнутри для создания ложной картины самоубийства или внезапного сердечного приступа в изолированном помещении. Выход осуществлен по вертикальным скобам.

Барышев шагнул ближе, тяжело навалившись на косяк шкафа. Механик уставился в темный ствол шахты, его нижняя челюсть отвисла, обнажив стертые резцы: — В камин ушел?.. Да там же сечение — кошке не пролезть! Михалыч бы застрял на первом же колене!

— Комплекция Гордеева исключала использование лаза, — сухо отрезал Шелест. — Комплекция нападающего — нет. Рост до ста семидесяти пяти, астеническое сложение, узкий плечевой пояс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.